

**Управление систематизации законодательства и анализа судебной
практики Верховного Суда Российской Федерации**

**Обобщение постановлений (решений) Европейского Суда по
правам человека¹, краткий обзор которых поступил в
Верховный Суд Российской Федерации по линии «Сеть
Верховных Судов» (SCN)², действующей под эгидой
Европейского Суда по правам человека³ и участником которой
является Верховный Суд Российской Федерации⁴**

(административно-правовые и гражданско-правовые аспекты)

2020 г.

---

¹ Вынесенных в отношении *третьих государств*.

² Режим доступа: <https://www.echr.coe.int/Pages/home.aspx?p=court/network&c=>.

³ Далее – Суд.

⁴ Охватываются ставшие окончательными постановления (решения) Суда, вынесенные в период с 1 января 2018 года по 31 декабря 2019 года.

Перевод подготовлен Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

Ранее в суды было направлено *Обобщение постановлений Европейского Суда по правам человека краткий обзор которых поступил в Верховный Суд Российской Федерации по линии «Сеть Верховных Судов» (SCN), действующей под эгидой Европейского Суда по правам человека и участником которой является Верховный Суд Российской Федерации* (уголовно-правовые аспекты). См. официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации, раздел «Документы» (подраздел «Международная практика» за 2019 г.). Режим доступа:

http://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/28221/

Оглавление

Статья 2 Конвенции (право на жизнь).....6

Fernandes de Oliveira против Португалии (№ 78103/14). Постановление от 31 января 2019 года. Пределы ответственности медицинского учреждения за добровольный уход из жизни пациента психиатрической клиники; длительность судебного разбирательства и процессуальный аспект статьи 2 Конвенции. 6

Статья 3 Конвенции (запрет пыток) 9

Khan против Франции (№ 12267/16). Постановление от 28 февраля 2019 года. Обязательство государства защищать несовершеннолетних иммигрантов, находящихся без контроля стороны взрослых и в ненадлежащих условиях. 9

Pias и Ahmed против Венгрии (№ 47287/15). Постановление от 21 ноября 2019 года. Краткосрочное содержание просителей убежища в транзитной зоне на сухопутной границы и последующая высылка в третью страну, которая считается безопасной, без рассмотрения их ходатайств о предоставлении убежища по существу (статьи 3 и 5 Конвенции). 10

Uletek против Хорватии (№ 21613/16). Постановление от 31 октября 2019 года. Взаимосвязь между превентивными и компенсационными средствами правовой защиты в отношении условий содержания под стражей, которые свидетельствуют о нарушении статьи 3 Конвенции (статьи 3 и 13 Конвенции). 14

Статья 5 Конвенции (право на свободу и личную неприкосновенность).....16

S., V. и A. против Дании (№№ 35553/12, 36678/12, 36711/12). Постановление от 22 октября 2018 года. Превентивное задержание зрителей спортивного мероприятия с целью предотвращения насилия со их стороны. 16

Aboya Voа Jean против Мальты (№ 62676/16). Постановление от 2 апреля 2019 года. Приводят ли к нарушению пункта 4 статьи 5 Конвенции процессуальные нарушения, допущенные при проверке законности лишения свободы. 18

Статья 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство) 20

Zubac против Хорватии (№ 40160/12). Постановление от 5 апреля 2018 года. Предсказуемость и соразмерность ограничения права лица на доступ к правосудию в высшей судебной инстанции государства. 20

Kırşın против Турции (№ 22677/10). Постановление от 30 октября 2018 года. Уничтожение имущества заявителя в результате взрыва на нефтеперерабатывающем заводе – сфера позитивных и процессуальных обязательств государства (статьи 6, 13 Конвенции и статья 1 Протокола № 1 к Конвенции). 22

Mutu and Pechstein против Швейцарии (№№ 40575/10 и 67474/10). Постановление от 2 октября 2018 года. Урегулирование споров посредством спортивного арбитража в соотношении с правом на доступ к правосудию и правом на справедливое судебное разбирательство. 25

<i>Nait-Liman против Швейцарии</i> (№ 51357/07). Постановление от 15 марта 2018 года. Обязаны ли национальные суды в соответствии с международным правом принимать иски о возмещении ущерба жертвам актов пыток, совершенных в пределах юрисдикции третьих государств?.....	27
<i>Ramos Nunes de Carvalho u Sá против Португалии</i> (№№ 55391/13, 57728/13, 74041/13). Постановление от 6 ноября 2018 года. Пересмотр дела о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности.	29
<i>Carrefour France против Франции</i> (№ 37858/14). Решение от 24 октября 2019 года. Принцип о применении наказания только к нарушителю в делах о слиянии одной компании с другой (пункты 1 и 2 статьи 6 Конвенции).	32
Статья 8 (право на уважение частной и семейной жизни).....	34
<i>Право на уважение частной жизни</i>	34
<i>M.L. и W.W. против Германии</i> (№№ 60798/10, 65599/10). Постановление от 28 июня 2018 года. Отказ в удовлетворении ходатайства заявителей о возложении обязанности на средства массовой информации анонимизировать в режиме он-лайн архивные материалы, касающиеся их уголовного преследования и осуждения.	34
<i>Vićina против Хорватии</i> (№ 58955/13). Решение от 31 октября 2019 года. Защита частной жизни в случае неправильной идентификации лица, изображенного на фотографии.	36
<i>Libert против Франции</i> (№ 588/13). Постановление от 22 февраля 2018 года. Ознакомление работодателя с файлами работника, хранящихся на жестком диске его рабочего компьютера с пометкой «личное».	37
<i>López Ribalda и другие против Испании</i> (№№ 1874/13 и 8567/13). Постановление от 17 октября 2019 года. Право работника на уважение частной жизни на рабочем месте и пределы права работодателя на ведение видеонаблюдения.	39
<i>Beghal против Великобритании</i> (№ 4755/16). Постановление от 28 февраля 2019 года. Полномочия на задержание, обыск и допрос при осуществлении пограничного контроля в соответствии с законодательством о противодействии терроризму.	42
<i>Mifsud против Мальты</i> (№ 62257/15). Постановление от 29 января 2019 года. Обязательство предоставлять генетический образец в процессе установления отцовства.	44
<i>Денисов против Украины</i> (№ 76639/11). Постановление от 25 сентября 2018 года. Понятие частной жизни в контексте трудовых споров.	46
<i>Altay против Турции</i> (№ 2) (№ 11236/09). Постановление от 9 апреля 2019 года. Устное общение между адвокатом и его клиентом подпадает под понятие «частная жизнь» и является «гражданским» правом (статьи 8 и 6 Конвенции).	48
<i>Право на уважение психологической неприкосновенности (как один из аспектов права лица на уважение частной жизни)</i>	51

<i>Hadzhieva против Болгарии</i> (№ 45285/12). Постановление от 1 февраля 2018 года. Оставление несовершеннолетнего лица без попечения со стороны взрослых вследствие ареста и заключения под стражу его родителей.....	51
<i>Право на уважение семейной жизни</i>	52
<i>Strand Lobben и другие против Норвегии</i> (№ 37283/13). Постановление от 10 сентября 2019 года. Упущения властей в процессе принятия решения об усыновлении уязвимого ребенка.	52
<i>Право на уважение жилища</i>	54
<i>F.J.M. против Великобритании</i> (№ 76202/16). Решение от 29 ноября 2018 года. Правоотношения между частным и государственным арендодателем и арендатором. Применение критерия соразмерности.....	54
<i>Право на уважение частной и семейной жизни, жилища (кумулятивный эффект)</i>	57
<i>Fédération nationale des associations u des syndicats sportifs (FNASS) и другие против Франции</i> (№№ 48151/11 и 77769/13). Постановление от 18 января 2018 года. Влияние антидопинговых мер на права спортсменов.....	57
Статья 10 Конвенции (свобода выражения мнений)	59
<i>Magyar Jeti Zrt против Венгрии</i> (№ 11257/16). Постановление от 4 декабря 2018 года. «Обязанность и ответственность» средства массовой информации при размещении гиперссылки на материал, впоследствии признанный клеветническим.	59
Статья 13 Конвенции (право на эффективное средство правовой защиты)	62
Статья 14 Конвенции (запрещение дискриминации)	62
<i>Molla Sali против Греции</i> (№ 20452/14). Постановление от 19 декабря 2018 года. Применение законов шариата в сфере наследования имущества и дискриминация ввиду принадлежности к религиозному меньшинству (статья 14 Конвенции в сочетании со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции).	62
<i>J.D. и A. против Великобритании</i> (№№ 32949/17 и 34614/17). Постановление от 24 октября 2019 года. Оценка обоснования той или иной меры социально-экономической политики («очень веские причины» или причины «явно не имеющие разумного основания») (статья 14 Конвенции в сочетании со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции).....	65
Статья 1 Протокола № 1 к Конвенции (защита собственности)	67
<i>Könyv-Tár Kft и другие против Венгрии</i> (№ 21623/13). Постановление от 16 октября 2018 года. Принятие правовых мер в системе закупок, приводящих к потере клиентов компаниями-заявителями.	67

Lekić против Словении (№ 36480/07). Постановление от 11 декабря 2018 года. Снятие корпоративной вуали государством для обеспечения стабильности рынка и финансовой дисциплины.....70

Статья 1 Протокола № 7 к Конвенции (минимальные процессуальные гарантии при выдворении иностранца, на законных основаниях проживающего на территории какого-либо государства).....73

Ljatići против Бывшей Югославской Республики Македония (по. 19017/16). Постановление от 17 мая 2018 года. Постановление о высылке, вынесенное в отношении заявителя вопреки минимальным процессуальным гарантиям (подпункты «а» и «б» пункта 1 статьи 7 Протокола № 7 к Конвенции).....73

Статья 2 Конвенции (право на жизнь)

Fernandes de Oliveira против Португалии (№ 78103/14). Постановление от 31 января 2019 года. Пределы ответственности медицинского учреждения за добровольный уход из жизни пациента психиатрической клиники; длительность судебного разбирательства и процессуальный аспект статьи 2 Конвенции.

У взрослого сына заявительницы, А.Ж., были серьезные психические заболевания, а также зависимость от алкоголя и рецептурных лекарств. Он несколько раз был госпитализирован на добровольной основе в психиатрическую больницу (HSC). Во время его последнего пребывания (вызванного попыткой совершения самоубийства) его изначальный ограничительный режим был ослаблен и его отпустили домой, но он был повторно госпитализирован после чрезмерного употребления алкоголя. Через два дня А.Ж. без разрешения покинул психиатрическую больницу (HSC), бросился под поезд и погиб.

Заявительница жаловалась на нарушение статьи 2 Конвенции, ссылаясь на то, что *государство-ответчик оказалось не в состоянии исполнить свою обязанность по защите жизни ее сына*, и на нарушение статьи 6 Конвенции, выразившемся в длительном рассмотрении ее гражданского иска против медицинского учреждения HSC.

Палата установила нарушение материально-правовых и процедурных аспектов статьи 2 Конвенции. Относительно материального аспекта, Палата сочла, что у медицинского учреждения HSC были основания ожидать, что пациент А.Ж. мог снова совершить попытку самоубийства, и, хотя наметилась тенденция предоставлять психиатрическое лечение согласно принципу наименьшего ограничения в режиме «открытых дверей», это не может освободить государство от его обязательства защищать психически больных людей.

Большая Палата не согласилась с Палатой в отношении материального аспекта и не нашла нарушений, хотя и признала, что имело место нарушение процедурного аспекта статьи 2 Конвенции.

материально-правовой аспект

Это постановление Суда интересно тем, что Большая Палата разъяснила *содержание позитивных обязательств государства в отношении ухода за психически больными пациентами, находящимися в больнице и имеющими склонность к совершению суицида.*

Как было разъяснено в деле *Lopes de Sousa Fernandes v. Portugal [GC]* в отношении медицинской халатности, государство несет позитивное обязательство создать эффективную нормативную базу, вынуждающую

больницы принимать надлежащие меры для защиты жизни пациентов. Во-вторых, Суд налагает при определенных обстоятельствах *позитивную обязанность принимать превентивные оперативные меры для защиты лица от преступных действий других и от него самого* (*Osman v. the United Kingdom*), обязательство распространяется на дела, касающиеся задержанных (*Keenan v. the United Kingdom and Renolde v. France*) и недобровольных пациентов психиатрических клиник (*Hiller v. Austria*).

Большая Палата выделила и перечислила факторы, которые, согласно судебной практике, имеют отношение к применению теста *Османа* (*Osman test*) и к оценке риска самоубийства удерживаемого лица, что может вызвать необходимость принятия превентивных мер:

- история психических проблем;
- тяжесть психического состояния;
- предыдущие попытки самоубийства или самоповреждения;
- суицидальные мысли или угрозы;
- признаки физического или психического расстройства.

Большая Палата сочла, что оба обязательства применимы в настоящем контексте и что, кроме того, оба обязательства были выполнены.

То, как была внедрена нормативная база, не привело к нарушению статьи 2 Конвенции. Стоит отметить, что Большая Палата согласилась, что подход НСЗ заключался в том, чтобы права пациента подвергались ограничению как можно в меньшей степени и терапевтическое желание создать открытый режим соответствовало международным стандартам⁵, разработанным в последние годы, а также позиции Суда, высказанной в деле *Hiller v. Austria* (§§ 54-55), о том, что более навязчивый режим мог привести к нарушению статей 3, 5 или 8 Конвенции.

Также было установлено, что три меры наблюдения в НСЗ для добровольных пациентов являются вполне обоснованными:

- регулярное ежедневное расписание с контролем присутствия в ключевые моменты;
- более строгий режим при необходимости;
- и экстренная процедура (например, меры пресечения), если необходимо.

Наконец, заявительница смогла обратиться к судебной системе: несмотря на существенную продолжительность рассмотрения дела «ничто не указывало на системный недостаток в функционировании судебной системы, который лишал заявителя эффективного рассмотрения его гражданского иска».

---

⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН А / RES / 46/119 1991 года; Конвенция ООН о правах инвалидов; Замечание общего порядка № 35 Комитета ООН по правам человека по статье 9 Международного пакта о гражданских и политических правах; доклад Специального докладчика ООН о праве на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья (2 апреля 2015 г.).

Что касается применения оперативного обязательства *Османа* (*Osman operational obligation*) в этом контексте, то следует отметить два аспекта.

Во-первых, Большая Палата впервые подтвердила, что позитивное обязательство принимать превентивные оперативные меры распространяется на добровольных пациентов (то, что оно распространяется на недобровольных пациентов, уже было признано).

Во-вторых, Суд продолжил применять критерий *Османа*, оценивая уход и решения HSC, отмеченными выше, и, в значительной степени опираясь на национальные экспертные заключения и решения, обнаружил, что *не было установлено, что HSC знала или должна была знать, что существует непосредственный риск для жизни А.Д. в дни перед его смертью*. В частности, Суд признал, что, хотя риск самоубийства не может быть исключен у таких госпитализированных пациентов, как А.Д., психопатологическое состояние которого основывалось на множественности диагнозов, непосредственность риска могла варьироваться, и Суд одобрил подход HSC, который заключался в изменении режима контроля и в соответствии с этими изменениями и на основании философии, которая оптимизировала свободу пациента, его ответственность и, следовательно, его шансы на выписку. *Поскольку не было установлено «реального и непосредственного риска», не было и необходимости переходить к рассмотрению второго аспекта теста Османа, а именно, требуются ли превентивные меры*.

процессуальный аспект

2. Заявительница также жаловалась, что ее гражданский иск против больницы рассматривался чрезмерно долго. В своей жалобе заявительница ссылалась на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, но Большая Палата (как и Палата) переквалифицировала эту жалобу, усмотрев нарушение процессуального аспекта статьи 2 Конвенции (см. *Radomilja and Others v. Croatia [GC]*) *ввиду чрезмерной продолжительности разбирательства*. В отношении необходимости доказывания того, что задержка судопроизводства повлияла на эффективность разбирательства для установления нарушения процессуального аспекта статьи 2 Конвенции, Большая Палата постановила:

«в делах по статье 2 Конвенции, особенно тех, которые касаются судопроизводства, возбужденного для выяснения обстоятельств смерти лица, которое находилось в больнице, продолжительность производства является свидетельством того, что производство было неполноценным и составляло нарушение позитивных обязательств государства-ответчика по Конвенции, если только государство не представило весьма убедительных и правдоподобных причин для обоснования такого затягивания производства (см., например, дело *Bilbija and Blažević v. Croatia, no. 62870/13, § 107*)».

Далее Судом установлено, что гражданский иск заявительницы рассматривался чрезмерно долго (8 лет дело рассматривалось судом первой инстанции), что являлось серьезным показателем ненадлежащего разбирательства, при этом государство не представило «убедительных и правдоподобных» причин для обоснования такой задержки рассмотрения дела. Прежде чем Большая Палата пришла к выводу о том, что имело место нарушение процедурного аспекта статьи 2 Конвенции, Судом было разъяснено, что *задержка разбирательства недопустима, в связи с возможной необходимостью быстрого устранения допущенных нарушений, а также в связи с тем, что продолжительное время негативно отражается на памяти свидетелей.*

Статья 3 Конвенции (запрет пыток)

Khan против Франции (№ 12267/16). Постановление от 28 февраля 2019 года. Обязательство государства защищать несовершеннолетних иммигрантов, находящихся без контроля стороны взрослых и в ненадлежащих условиях.

Заявитель, юный гражданин Афганистана в возрасте 11-12 лет без сопровождения взрослых, провел почти семь месяцев в условиях нищеты в районе Кале в надежде добраться до Англии. Как представляется, он никогда не намеревался ходатайствовать о предоставлении ему статуса беженца во Франции. В этот период он жил в импровизированных хижинах в плачевных условиях вместе с тысячами других мигрантов, пытавшихся пересечь Ла-Манш. Люди и семьи, живущие в трущобах, которые выросли в регионе Кале, не имели, среди прочего, надлежащего жилья, безопасности, продовольствия, элементарной гигиены и доступа к здравоохранению. Неправительственные организации в конечном итоге обратились к судье по делам несовершеннолетних от имени заявителя (и других несовершеннолетних) с просьбой к французским властям взять заявителя под опеку. По мнению властей, применение этой меры оказалось невозможным, поскольку заявитель не связывался с ними и не мог быть найден. В конце концов заявителю удалось добраться до Англии.

В ходе рассмотрения дела в Суде он по существу утверждал, что *власти не сделали всего, чего от них можно было разумно ожидать, для обеспечения его благосостояния.* Суд согласился и признал, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции. Заслуживают внимания следующие аспекты решения.

Положение заявителя не было доведено до сведения властей до вынесения решения судьей по делам несовершеннолетних. До этой даты он был неизвестен властям. Он не просил убежища и не содержался под стражей в ожидании высылки. Таким образом, положение заявителя отличалось от положения несовершеннолетнего иностранца без сопровождения в деле

Rahimi v. Greece, no. 8687/08, 5 April 2011, когда Судом было установлено, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции, поскольку власти освободили заявителя из иммиграционного заключения до момента его выдворения, фактически предоставив ему самому себе в уличных условиях. Важно отметить, что в деле *Rahimi* Суд подчеркнул крайнюю уязвимость заявителя, а именно ребенка, живущего месяцами в тяжелых условиях и постоянно подвергающегося угрозе физического, в том числе сексуального насилия.

В настоящем деле *Khan v. France* органы государственной власти не предприняли достаточных усилий для установления личности несопровождаемых несовершеннолетних, таких как заявитель, находящихся в импровизированных лагерях, хотя их присутствие там было хорошо задокументировано. Важно отметить, что Суд, как и в других случаях, касающихся мигрантов (см. например *Muskhadzhiyeva and Others v. Belgium*, no. 41442/07, 19 January 2010; *M.S.S. v. Belgium and Greece [GC]*, no. 30696/09, ECHR 2011, *Rahimi v. Greece*, mentioned above, *Kanagaratnam v. Belgium*, no. 15297/09, 13 December 2011, and *Tarakhel v. Switzerland [GC]*, no. 29217/12, ECHR 2014 (выдержки)), учитывал выводы национальных (например, Уполномоченного по правам человека и Национальной Консультативной комиссии по правам человека) и международных органов (например, Специального представителя Генерального Секретаря Совета Европы по миграции и беженцам и ЮНИСЕФ).

Кроме того, Суд не был убежден в том, что власти действительно отреагировали на решение судьи по делам несовершеннолетних. Признавая трудности, с которыми органы государственной власти столкнулись при установлении личности и местонахождения заявителя в лагерях, и что эти трудности усугублялись отсутствием сотрудничества со стороны заявителя Судом отмечено, что в центре внимания по-прежнему было тяжелое положение уязвимого ребенка, который в течение нескольких месяцев находился в унижающих достоинство и опасных для жизни условиях. Даже если государство-ответчик не создавало этих условий, оно, тем не менее, было обязано в соответствии со статьей 3 Конвенции защищать заявителя от их воздействия.

***Ilias и Ahmed против Венгрии* (№ 47287/15). Постановление от 21 ноября 2019 года. Краткосрочное содержание просителей убежища в транзитной зоне на сухопутной границы и последующая высылка в третью страну, которая считается безопасной, без рассмотрения их ходатайств о предоставлении убежища по существу (статьи 3 и 5 Конвенции).**

Заявители, граждане Бангладеш, прибыли в транзитную зону, расположенную на сухопутной границе между Венгрией и Сербией, и подали ходатайство о предоставлении убежища. Хотя их высылка была предписана в тот же день, они провели в зоне 23 дня в ожидании рассмотрения этих

заявлений. Зоны площадью 110 кв. м. находилась под полной охраной. Внутри зоны заявители могли проводить время на открытом воздухе, общаться с другими просителями убежища и видеться с приходящими к ним людьми. Их прошения о предоставлении убежища были отклонены как неприемлемые: Сербия считалась безопасной третьей страной и имела возможность рассматривать их прошения о предоставлении убежища по существу. Они были выведены из зоны и пересекли границу обратно в Сербию без физического принуждения.

Палата установила, в частности, нарушение статьи 3 Конвенции в отношении их высылки в Сербию, отсутствие нарушения этого положения в отношении условий их содержания в транзитной зоне и нарушения пунктов 1 и 4 статьи 5 Конвенции в отношении их содержания в транзитной зоне.

Большая Палата, в частности, одобрила выводы Палаты в отношении статьи 3 Конвенции, хотя и отклонила жалобы в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 5 Конвенции как несовместимые с положениями Конвенции *ratione materiae* [ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения].

Постановление Большой Палаты заслуживает внимания в двух отношениях.

Во-первых, опираясь на дело *M.S.S. v. Belgium and Greece [GC]*, Суд разъяснил *характер обязанности высылающего государства при высылке просителя убежища в третью страну без рассмотрения по существу ходатайства о предоставлении убежища.*

Во-вторых, Суд впервые рассмотрел вопрос о применимости статьи 5 Конвенции к содержанию просителей убежища в транзитной зоне, расположенной на сухопутной границе между двумя государствами-членами Совета Европы.

1. Суд начал с замечания о том, что в тех случаях, когда договаривающееся государство стремится выдворить просителя убежища в третью страну без рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища по существу, обязанность государства не подвергать это лицо реальному риску обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, выполняется иным образом, чем в случае возвращения в страну происхождения. В последнем случае высылающие власти проверяют обоснованность ходатайства о предоставлении убежища и, соответственно, предполагаемые риски в стране происхождения. *В первом случае главным вопросом является адекватность процедуры предоставления убежища в принимающей третьей стране.*

Хотя государство, высылающее просителей убежища в третью страну, имеет право на законных основаниях не рассматривать существо прошений о предоставлении убежища, поэтому ему может быть не известно, подвергаются ли эти лица риску обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, в стране происхождения или же они просто являются

экономическими мигрантами, не нуждающимися в защите. В этой связи во всех таких случаях, независимо от того, является ли принимающая третья страна государством-членом Европейского Союза или государством-участником Конвенции, высылающее государство *обязано тщательно изучить, существует ли реальная угроза того, что просителю убежища будет отказано в доступе в принимающей третьей стране к надлежащей процедуре предоставления убежища*, прямо или косвенно защищающей его от принудительного возвращения, а именно от высылки, в страну его происхождения без надлежащей оценки рисков, с которыми он сталкивается с точки зрения статьи 3 Конвенции. *Если будет установлено, что существующие гарантии в этом отношении недостаточны, то статья 3 Конвенции предусматривает обязанность не высылать просителей убежища в соответствующую третью страну.*

Далее Большая Палата разъяснила вопросы, по которым она определяет, выполнило ли высылающее государство это процессуальное обязательство оценки процедуры предоставления убежища принимающим третьим государством:

а) надлежащим ли образом власти высылающего государства проанализировали и приняли во внимание имеющуюся общую информацию о принимающей третьей стране и ее системе предоставления убежища;

б) была ли заявителям предоставлена достаточная возможность продемонстрировать, что принимающее государство не является безопасной третьей страной в их конкретном случае. Применяя этот критерий, Суд указал, что *любая презумпция того, что конкретная страна является «безопасной» ввиду ее предшествующего использования в решениях о высылках отдельных просителей убежища, должна быть достаточно подкреплена с самого начала упомянутым анализом.*

Суд уточнил, что в его задачу не входит оценка наличия риска по статье 3 Конвенции в государстве происхождения заявителей, поскольку этот вопрос имеет отношение только к тем случаям, *когда высылающее государство имело дело с этими рисками.* Таким образом, Суд дистанцировался от своего подхода в некоторых предыдущих случаях, когда он указывал на то обстоятельство, что претензии заявителей о рисках в их государствах происхождения были спорными, даже несмотря на то, что высылающее государство в этих случаях не рассматривало их по существу.

По фактам настоящего дела Суд пришел к выводу, что Венгрия не выполнила своего процессуального обязательства по статье 3 Конвенции, принимая во внимание, в частности, тот факт, что решение правительства о создании общей презумпции в отношении Сербии как безопасной третьей страны было недостаточно обосновано, что решения о высылке игнорировали авторитетные выводы Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев относительно реальной опасности отказа в доступе к эффективной процедуре предоставления убежища в Сербии и суммарной высылки из Сербии в Северную Македонию и далее в Грецию, и что венгерские власти усугубили риски, с которыми сталкиваются заявители,

вынудив их незаконно въехать в Сербию вместо того, чтобы вести переговоры об упорядоченном возвращении с соответствующими гарантиями.

2. Далее Большая Палата определила применимость статьи 5 Конвенции и, в частности, вопрос о том, *является ли содержание заявителей в этой транзитной зоне на сухопутной границы ограничением свободы передвижения или лишением свободы*, и определила факторы, которые должны быть приняты во внимание в этой связи:

- a) индивидуальное положение заявителей и их выбор;
- b) применимый правовой режим соответствующей страны и ее цель;
- c) продолжительность нахождения в этой зоне, особенно в свете цели и процессуальной защиты, которой пользуются заявители до наступления событий, связанных с этим ограничением свободы передвижения;
- (d) характер и степень фактических ограничений, налагаемых на заявителей или испытываемых ими.

Большая Палата установила, что статья 5 Конвенции не применима в данном деле. В частности, срок содержания заявителей под стражей не превышал максимального срока, установленного национальным законодательством, или того срока, который был необходим для проверки того, может ли быть удовлетворены их ходатайства въехать в Венгрию для получения убежища. Кроме того, хотя их свобода передвижения была ограничена в весьма значительной степени (аналогично тому, как это характерно для некоторых типов мест содержания под стражей в условиях легкого режима), *их свобода не была ограничена без необходимости или в какой-либо степени или каким-либо образом, не связанным с рассмотрением их ходатайств о предоставлении убежища*.

Важно отметить, что Суд провел различие между делами, касающимися содержания под стражей в транзитных зонах аэропортов (в частности, *Amuur v. France*), и настоящим делом, *когда практически можно было дойти и пересечь границу с Сербией*, страной, ратифицировавшей Женевскую конвенцию о статусе беженцев. Опасения заявителей по поводу отказа от их ходатайств о предоставлении убежища в Венгрии или недостатков процедур предоставления убежища в Сербии не были сочтены достаточными для того, чтобы сделать их пребывание в стране недобровольным и признать нарушение статьи 5 Конвенции. *Конвенция не может рассматриваться как увязывающая применимость статьи 5 Конвенции с отдельным вопросом, касающимся соблюдения властями положений статьи 3 Конвенции*, где – как в настоящем деле – сумма всех других соответствующих факторов не указывает на ситуацию фактического лишения свободы, а *просители убежища могут вернуться в третью страну, из которой они прибыли, без прямой угрозы их жизни или здоровью*, известной властям или доведенной до их сведения в соответствующее время, при этом статья 5 Конвенции не может рассматриваться как применимая к их положению в транзитной зоне сухопутной границы, где они ожидают решения относительно своих ходатайств о предоставлении убежища, во

время невыполнения властями своих отдельных обязанностей в соответствии со статьей 3 Конвенции.

Uletek против Хорватии (№ 21613/16). Постановление от 31 октября 2019 года. Взаимосвязь между превентивными и компенсационными средствами правовой защиты в отношении условий содержания под стражей, которые свидетельствуют о нарушении статьи 3 Конвенции (статьи 3 и 13 Конвенции).

Заявитель отбывал свое тюремное заключение в двух местах лишения свободы в Хорватии: в тюрьме г. Загреб и в тюрьме г. Глины. Обстоятельства тюремного содержания в каждом учреждении различаются с точки зрения применяемого тюремного режима и условий тюремного содержания.

Что касается условий содержания в тюрьме г. Загреб, то заявитель не воспользовался превентивным средством правовой защиты перед администрацией тюрьмы и/или судьей (которое Суд уже признал эффективным).

Что касается условий содержания в тюрьме г. Глины, то заявитель действительно использовал это превентивное средство правовой защиты, но после того, как его жалобы были отклонены, он не подал жалобу в Конституционный Суд, который уже признал это средство правовой защиты дополнительным необходимым шагом в процессе исчерпания превентивного средства правовой защиты в отношении условий тюремного содержания в Хорватии. Однако после своего освобождения из тюрьмы г. Глины заявитель подал гражданский иск о возмещении ущерба за якобы неадекватные условия содержания в обоих учреждениях. Когда эти действия не увенчались успехом, он подал жалобу в Конституционный Суд, который рассмотрел общий срок его содержания в двух учреждениях пенитенциарной системы и отклонил его жалобу по существу.

Заявитель жаловался на нарушение статей 3 и 13 Конвенции в связи с неадекватными условиями его содержания в обеих тюрьмах и на отсутствие соответствующих эффективных средств правовой защиты.

Это дело заслуживает внимания, поскольку в нем рассматривается взаимосвязь между превентивными и компенсаторными средствами правовой защиты при неадекватных условиях и, в частности, исследуется вопрос о том, могло ли/должно ли использование превентивного средства правовой защиты обуславливать доступ к компенсаторному средству. При этом в нем дается полезный обзор судебной практики Суда о средствах правовой защиты в отношении условий содержания под стражей.

1. При рассмотрении вопроса о том, исчерпал ли настоящий заявитель национальные средства правовой защиты, а также его жалобы в соответствии

со статьей 13 Конвенции, Суд провел различие между делами, когда он не подтвердил наличия эффективного превентивного средства правовой защиты в национальной системе (в этом случае использование компенсационного средства правовой защиты после освобождения было достаточным), и случаями, когда им было установлено, что оба средства правовой защиты существуют. В этом последнем отношении Суд аргументировал свое решение следующим образом:

«86. <...> с точки зрения обязанности государства по статье 13 Конвенции перспектива будущего возмещения ущерба не может узаконить особо жестокие страдания заключенного в нарушение статьи 3 Конвенции и тем самым неприемлемо ослабить юридическое обязательство государства привести свои стандарты условий содержания под стражей в соответствие с требованиями Конвенции <...>. Таким образом, учитывая тесное родство статьи 13 и пункта 1 статьи 35 Конвенции, было бы неразумно согласиться с тем, что после установления превентивного средства правовой защиты с точки зрения статьи 13 Конвенции – как средства правовой защиты, признанного Судом наиболее подходящим средством для рассмотрения жалоб на неадекватные условия содержания – заявитель может быть освобожден от обязанности использовать это средство правовой защиты до подачи своей жалобы в Суд <...>.

87. Таким образом, как правило, *прежде чем подавать свои жалобы в Суд относительно условий содержания под стражей, заявители должны сначала надлежащим образом использовать имеющиеся и эффективные превентивные средства правовой защиты, а затем, при необходимости, соответствующие компенсационные средства правовой защиты*».

Суд согласился с тем, что могут быть случаи, когда использование эффективного превентивного средства правовой защиты будет бесполезным ввиду краткосрочности содержания под стражей в неадекватных условиях, так что единственным жизнеспособным вариантом будет компенсационное средство правовой защиты, хотя, как это подтверждается соответствующими принципами судебной практики Суда, компенсационное средство правовой защиты обычно должно быть использовано в течение шести месяцев после окончания якобы неадекватных условий содержания под стражей.

В настоящем деле и с учетом того, что Конституционный Суд (высший суд государства) рассмотрел по существу жалобы заявителя на неадекватные условия содержания в отношении всего периода его содержания в обеих тюрьмах, Суд не счел, что его жалобы могут быть отклонены за неисчерпание национальных средств правовой защиты. Однако он счел его жалобу по статье 13 Конвенции явно необоснованной, указав на свою судебную практику в отношении наличия эффективных превентивных и компенсационных средств правовой защиты в связи с неадекватными условиями содержания под стражей в Хорватии.

2. Что касается того, в какой степени вышеуказанные принципы указывают на то, каким образом превентивные и компенсационные средства правовой защиты в связи с неадекватными условиями содержания в тюрьмах могут/должны быть организованы по смыслу статьи 13 Конвенции и должны быть исчерпаны для целей пункта 1 статьи 35 Конвенции, Суд подчеркнул, что для целей последнего положения указанные выводы не наносят ущерба возможностям национальных правовых систем предусматривать различные механизмы в отношении использования средств правовой защиты (а именно, государство может не обуславливать компенсационное средство правовой защиты исчерпанием превентивного) и предусмотреть более длительный установленный законом срок для использования компенсационного средства правовой защиты, в этом случае использование этого средства правовой защиты оценивается в соответствии с установленными на национальном уровне условиями и сроками.

В этой связи следует отметить, что, хотя средства правовой защиты, принятые по некоторым пилотным/ведущим делам, уже были предметом рассмотрения Суда в последующих решениях/постановлениях Суда (например, *Torreggiani and Others v. Italy*, а затем *Stella and Others v. Italy (dec.)*; *Varga and Others v. Hungary*, а затем *Domján v. Hungary (dec.)*; *Shishanov v. the Republic of Moldova*, а затем *Draniceru v. the Republic of Moldova (dec.)*; а также *Neshkov and Others v. Bulgaria*, а затем *Atanasov and Apostolov v. Bulgaria (dec.)*), средства правовой защиты, разработанные в последних пилотных/ведущих делах, еще не были проанализированы Судом в последующей практике (например, *Ananyev and Others v. Russia*, *Rezmiveş and Others v. Romania*).

Статья 5 Конвенции (право на свободу и личную неприкосновенность)

***S., V. и A. против Дании* (№№ 35553/12, 36678/12, 36711/12).
Постановление от 22 октября 2018 года. Превентивное задержание зрителей спортивного мероприятия с целью предотвращения насилия со их стороны⁶.**

В октябре 2009 года большое количество футбольных зрителей (примерно 140 человек), находившихся в Копенгагене в целях посещения футбольного матча, было задержано полицией. В результате примерно половина задержанных были привлечены к уголовной ответственности. Другая половина, включая трех заявителей, была задержана примерно на 8 часов в соответствии со статьей 5 (3) Закона «О полиции». Это положение

---

⁶ Текст приведенного постановления размещен на сайте Верховного Суда Российской Федерации в разделе «Ведомственный контур» (папка «Международное право»), доступном для нижестоящих судов, а также опубликован в журнале «Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск» №12 (24), 2018.

разрешает задержание для предотвращения угрозы безопасности на как можно более короткий и умеренный период, который не должен превышать 6 часов, если это возможно.

Заявители жаловались, что содержание их под стражей противоречит пункту 1 статьи 5 Конвенции.

17 июля 2017 года Палата передала дело в Большую Палату.

Последняя пришла к выводу, что это чисто превентивное задержание может быть законным в соответствии со вторым абзацем подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, если оно удовлетворяет необходимым гарантиям. В данном деле нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции установлено не было.

Это постановление заслуживает внимания, поскольку оно допускает и определяет параметры важного инструмента контроля над угрозой насилия со стороны зрителей, а именно *превентивного задержания*.

На сегодняшний день кратковременное задержание, направленное на предотвращение неминуемого насилия, может быть законным либо в соответствии с подпунктом «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции, если оно осуществляется для обеспечения выполнения действующего обязательства, предписанного законом, либо в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, если оно подпадает под сферу уголовного судопроизводства. Содержание под стражей в данном деле имело превентивный характер, не подпадает под эти критерии, поэтому Большой Палате пришлось рассмотреть вопрос о том, может ли пункт 1 статьи 5 Конвенции иным образом предусматривать мандат на такое содержание под стражей. Постановление имеет важное значение для судебной практики, поскольку оно отменяет позицию большинства по делу *Ostendorf v. Germany* и подтверждает, что *превентивное задержание возможно, при этом подчеркивается необходимость соблюдения гарантий во избежание его произвольного использования*.

Большая Палата подчеркнула необходимость соблюдения гарантии для недопущения произвольного и несоразмерного задержания, состоящих в следующем.

1) Должна быть гарантирована защита от произвола полиции при осуществлении задержания и соблюдены требования национального законодательства, равно как и требование о том, чтобы преступление было «конкретным и специальным», а необходимость задержания была «разумно необходимой» как это следует из содержания пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Последнее вызвано потребностью установить баланс между правами, закрепленными статьей 5 Конвенции, и правами, предусмотренными статьями 2 и 3 Конвенции, что требует, в частности, чтобы меры, менее строгие, чем содержание под стражей, были признаны недостаточными для защиты, рассматриваемое преступление признавалось «серьезным по своему характеру и влекущим за собой опасность для жизни и здоровья или

значительный материальный ущерб», а содержание под стражей должно было прекратиться, как только опасность миновала.

2) Должен быть соблюден приемлемый срок предварительного заключения в соответствии со статьей 5 Конвенции. Большая Палата сочла, что *«оперативность» в контексте превентивного задержания должна быть вопросом часов, а не дней.* Несоблюдение этого требования также предоставило бы лицу право на получение компенсации.

Применяя указанные принципы к настоящему делу, Большая Палата установила, что *был достигнут справедливый баланс между правом на свободу и необходимостью предотвращения совершения заявителями хулиганских действий и драк.* Таким образом, превентивное заключение заявителей не нарушало требований пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Абоуа Воа Жан против Мальты (№ 62676/16). Постановление от 2 апреля 2019 года. Приводят ли к нарушению пункта 4 статьи 5 Конвенции процессуальные нарушения, допущенные при проверке законности лишения свободы.

Заявитель находился в условиях иммиграционного задержания в ожидании рассмотрения его ходатайства о предоставлении убежища (Суд счел задержание оправданным в соответствии с подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции). В соответствии с мальтийским законодательством автоматический пересмотр законности содержания под стражей иммигрантов должен проводиться в течение семи рабочих дней с момента помещения лица под стражу, и этот срок может быть *продлен еще на семь рабочих дней.* В случае заявителя и вопреки требованиям национального законодательства автоматический пересмотр был осуществлен *только по истечении двадцати пяти рабочих дней.* Это было вызвано трудностями с созывом Иммиграционного Апелляционного Совета в течение первых семи рабочих дней, а также тем, что заявитель просил отложить рассмотрение дела, когда Совет был готов рассмотреть его на 20-й рабочий день после его задержания, что соответствовало максимальному сроку, установленному национальным законодательством, в семь плюс семь рабочих дней.

Заявитель жаловался в ходе рассмотрения дела в Суде на то, что процедура по его делу не была быстрой, как это предусмотрено пунктом 4 статьи 5 Конвенции, из-за нарушения установленного законом срока, обязывающего Совет провести автоматический пересмотр законности его задержания. Суд не согласился с этим и пришел к выводу, что нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции не было.

В этом постановлении заслуживает внимания вопрос о характере и сфере применения процедуры, предусмотренной пунктом 4 статьи 5 Конвенции. Суд напомнил в этой связи, что формы судебного пересмотра, удовлетворяющие требованиям пункта 4 статьи 5 Конвенции, могут варьироваться от одной области к другой «и будут зависеть от формы

лишения свободы в конкретном деле». Важно отметить, что в постановлении указывалось (§ 76):

«Не исключено, что система автоматического периодического пересмотра судом законности содержания под стражей может обеспечить соблюдение требований пункта 4 статьи 5 (см. *Megyeri v. Germany*, 12 мая 1992 года, § 22, серия А № 237 а)».

Одно из таких требований заключается в том, что пересмотр должен быть быстрым. В данном деле с учетом своей судебной практики в этой области (§ 77) Суд отметил, что вопрос о том, соответствуют ли периоды времени, проходящие между автоматическими пересмотрами, требованию об оперативности, должен определяться в свете обстоятельств каждого дела с учетом характера содержания под стражей (например, содержание под стражей после осуждения, содержание под стражей лиц с психическими расстройствами, содержание под стражей до момента высылки или, как в данном конкретном случае, содержание под стражей до вынесения решения по ходатайству о предоставлении убежища).

Затем Суд приступил к рассмотрению вопроса о влиянии выявленных выше процессуальных нарушений на процедуру по пункту 4 статьи 5 Конвенции. Важно отметить, что, хотя лишение свободы может быть признано незаконным в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции, поскольку оно не было произведено «в соответствии с процедурой, установленной законом», *нарушения обязательных процессуальных требований сами по себе не приводят к нарушению пункта 4 статьи 5 Конвенции*. Решающим вопросом в деле заявителя (он не оспаривал независимость и беспристрастность Совета, равно как и справедливость разбирательства) было то, *удовлетворяет ли пересмотр критерию оперативности*. Суд исследовал факты дела заявителя (§ 80):

«Суд далее [посчитал], что, хотя в соответствии с пунктом 1 статьи 5 содержание под стражей, которое не соответств[овало] национальному законодательству, влечет за собой нарушение этого положения, нарушение сроков автоматического пересмотра, установленных законом, не обязательно является нарушением пункта 4 статьи 5, если разбирательство, в ходе которого рассматривалась законность содержания заявителя под стражей, тем не менее было осуществлено быстро. Суд отме[тил], что в настоящем деле, несмотря на определенные нарушения (тот факт, что заявитель был лишен первоначального автоматического пересмотра в течение семи рабочих дней с момента начала его содержания под стражей, как это предусмотрено национальным законодательством, и этот срок не был продлен в соответствии с обычной практикой), время, прошедшее до его первоначального пересмотра, т.е. двадцать рабочих дней, которые из-за отсрочки стали двадцатью пятью рабочими днями, не может считаться необоснованным».

См. также вышеприведенное *Ilias and Ahmed против Венгрии* (№ 47287/15) Постановление от 21 ноября 2019 года. Краткосрочное содержание просителей убежища в транзитной зоне сухопутной границы и последующая высылка в третью страну, которая считается безопасной, без рассмотрения их ходатайств о предоставлении убежища по существу (статьи 3 и 5 Конвенции).

Статья 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство)

***Zubac против Хорватии* (№ 40160/12). Постановление от 5 апреля 2018 года. Предсказуемость и соразмерность ограничения права лица на доступ к правосудию в высшей судебной инстанции государства⁷.**

Заявитель обратился в Суд в связи с отказом Верховного Суда Хорватии рассмотреть апелляцию по имущественному иску *ввиду его малой стоимости*. Покойный муж заявительницы был истцом в гражданском процессе. В исковом заявлении он требовал возмещения в размере 10 000 хорватских Кун (приблизительно 1300 евро). Позднее в ходе разбирательства он изменил требование на 105 000 хорватских кун (приблизительно 14 000 евро). На основе этого требования судами первой и апелляционной инстанции были рассчитаны судебные издержки. Однако Верховный Суд Хорватии признал его апелляцию неприемлемой *ratione valoris* [ввиду стоимости иска], учитывая, что соответствующая стоимость его иска была указана в первоначальном исковом заявлении (10 000 кун) и что эта стоимость не достигла установленного законом порога (100 000 кун), при котором обращение в Верховный Суд становится возможным по закону (статья 382 (1) (1) Закона о гражданском процессе).

Палата пришла к выводу о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции: толкование Верховным Судом Хорватии процессуального законодательства по данному делу было чрезмерно формальным и возлагало бремя возможной ошибки, допущенной этими судами, на заявителя в нарушение «общего принципа процессуальной справедливости», закрепленного статьей 6 Конвенции. 6 марта 2017 дело было передано в Большую Палату.

Последняя не согласилась с выводами Палаты, установив, что нарушения Конвенции не было.

Следует отметить, что объем рассматриваемого дела очень специфичен. С учетом судебной практики Суда, законности и допустимости ограничений *ratione valoris* на доступ к Верховному Суду, а также свободы

---

⁷ Текст приведенного постановления размещен на сайте Верховного Суда Российской Федерации в разделе «Ведомственный контур» (папка «Международное право»), доступном для нижестоящих судов, а также опубликован в журнале «Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск» № 4 (16), 2018.

усмотрения властей в регулировании условий таких ограничений не было оснований сомневаться в установленном регулировании. В данном случае речь идет скорее о том, каким образом можно было бы оценить выполнение требований принципа *ratione valoris*.

Постановление интересно тем, что в нем *содержится всеобъемлющий и структурированный обзор судебной практики Суда, касающийся ограничений на доступ к правосудию и, более конкретно, ограничений на доступ к вышестоящим судам*. Из этой судебной практики Большая Палата извлекла определенные критерии, которые должны приниматься во внимание при принятии решения о том, соответствуют ли ограничения, в частности связанные с *ratione valoris*, на доступ к правосудию апелляционной или кассационной инстанции требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Во-первых, Суд должен оценить пределы свободы усмотрения в том, что касается способа применения соответствующего регулирования к рассматриваемому делу. При вынесении такой оценки Суд будет учитывать степень рассмотрения дела в судах нижестоящей инстанции; наличие вопросов, связанных со справедливостью разбирательства, проводимого в судах нижестоящей инстанции; роль Верховного Суда.

Во-вторых, и для оценки соразмерности ограничения права на доступ к правосудию Суд принимал во внимание и некоторые другие факторы:

- предсказуемость ограничения;
- возможность наступления негативных последствий в случае допущения ошибки в ходе разбирательства, которые привели к отказу заявителю в доступе к правосудию Верховного Суда.

При этом надлежит оценить связаны ли указанные ограничения с «чрезмерным формализмом».

Относительно возможности наступления негативных последствий в случае допущения ошибки в ходе разбирательства Большой Палатой было подтверждено, что, в судебной практике не существует четкой нормы в отношении того, на ком должно лежать бремя ответственности за совершение процессуальных и процедурных ошибок, допущенных как заявителем, так и соответствующими органами государственной власти.

Несмотря на то, что решение суда будет зависеть от обстоятельств конкретного дела, в судебной практике можно выделить некоторые основные вопросы, подлежащие оценке Судом:

- представлен ли заявитель в судебном заседании;
- проявил ли заявитель или его представитель необходимую осмотрительность при осуществлении соответствующих процессуальных действий, поскольку процессуальные права как правило корреспондируют процессуальным обязанностям;
- можно ли было избежать допущения ошибок с самого начала.

Что касается критерия, касающегося чрезмерного формализма, то Большая Палата признала, что в данном случае речь идет о конкурирующих интересах.

С одной стороны, четкое соблюдение формализованных норм гражданского судопроизводства является «ценным и важным, поскольку оно способно ограничить свободу усмотрения, обеспечить равенство сторон, предотвратить произвол, обеспечить эффективное разрешение спора и вынесение решения в разумные сроки, а также обеспечить правовую определенность и уважение к суду».

С другой стороны, в судебной практике Суда неоднократно выражалась позиция, согласно которой «чрезмерный формализм» может противоречить требованию обеспечения законности и ограничивать право на доступ к правосудию в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

Вопросы правовой определенности и надлежащего отправления правосудия были рассмотрены Большой Палатой в качестве двух ключевых элементов для проведения различия между «чрезмерным формализмом» и приемлемым применением процессуальных формальностей, с тем, чтобы право на доступ к правосудию считалось ущемленным лишь тогда, *когда правила перестают служить целям правовой определенности и надлежащего отправления правосудия и образуют своего рода барьер, препятствующий тому, чтобы дело было рассмотрено по существу компетентным судом.*

Большая Палата применила указанные принципы к настоящим фактам, заключив, что нарушения статьи 6 Конвенции не было. Государство имеет широкую свободу усмотрения в отношении способа применения указанных норм к рассматриваемому делу.

Дело было рассмотрено двумя инстанциями, обладающими юрисдикцией по данному вопросу, в деле не возникло явного недостатка правовой оценки, и роль Верховного Суда была ограничена рассмотрением применения соответствующего национального законодательства нижестоящими судами. Ограничение доступа к правосудию Верховного Суда так же не являлось несоразмерным препятствием, поскольку порядок такого доступа был законодательно определен и предсказуем. Допущенные ошибки в первоначальном иске объективно вменялись заявителю, который понес неблагоприятные последствия, поэтому нельзя сказать, что решение Верховного Суда представляло собой «чрезмерный формализм», связанный со слишком строгим применением процессуальных норм, которые необоснованно ограничивали бы доступ заявителя к Верховному Суду.

Kurşun против Турции (№ 22677/10). Постановление от 30 октября 2018 года. Уничтожение имущества заявителя в результате взрыва на нефтеперерабатывающем заводе – сфера позитивных и процессуальных обязательств государства (статьи 6, 13 Конвенции и статья 1 Протокола № 1 к Конвенции).

Имущество заявителя было уничтожено в результате взрыва на близлежащем нефтеперерабатывающем заводе, которым в то время управляла государственная компания *Tüpraş*. Было проведено нескольких

расследований, в том числе по поводу причин взрыва и ответственности за него. Выводы различных расследований не были убедительными в вопросе об ответственности за произошедшее. Уголовное производство, возбужденное в отношении ряда руководителей *Tüpraş*, было в конечном счете прекращено по причинам истечения сроков давности. Заявитель подал гражданский иск против *Tüpraş*, но его требование о компенсации в конечном итоге было отклонено Кассационным судом из-за несоблюдения годичного срока для предъявления иска к причинителю вреда, содержащегося в пункте 1 статьи 60 действовавшего на тот момент Обязательственного кодекса Турции. В соответствии с этим положением гражданские иски должны предъявляться в течение одного года с даты, когда потерпевшему стало известно об ущербе и личности виновных. По мнению Кассационного суда, заявитель должен был знать, что *Tüpraş* несет ответственность за взрыв со дня происшествия. На этом основании притязания заявителя сочтены несвоевременными.

В ходе разбирательства в Суде заявитель жаловался на нарушение его прав согласно статьям 6, 13 Конвенции и статье 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Суд установил нарушение статьи 6 Конвенции в отношении того, как соответствующая палата Кассационного суда истолковала и применила срок давности по гражданскому иску заявителя. Среди прочего, Судом отмечалось, что всего за несколько месяцев до отклонения жалобы заявителя другая палата Кассационного суда рассмотрела требования о компенсации, предъявленные к *Tüpraş* другими жертвами того же взрыва. Эта палата истолковала правило о сроках в пользу потерпевших, несмотря на тот факт, что их претензии не были предъявлены в течение одного года с момента взрыва. По мнению Суда, *различие в подходе свидетельствует об отсутствии ясности в истолковании соответствующей правовой нормы о сроках в контексте исследуемых фактов*. Кроме того, палата, которая рассмотрела и отклонила жалобу заявителя, не мотивировала своего отступления от практики ранее принятых решений. Особый интерес представляет позиция Суда о том, что *толкование сроков исковой давности в нарушение сформировавшейся судебной практики может привести к необоснованному ограничению права на доступ к правосудию*. Суд признал «чрезвычайные обстоятельства инцидента» и отметил, что:

«толкование и применение Кассационным судом соответствующего правила о сроках, в соответствии с которым заявитель должен был возбудить разбирательство в момент, когда он не мог реально иметь достаточных знаний о причине случившегося или личностях виновных, представляется весьма формальным».

В результате рассмотрения обстоятельств по делу Суд пришел к выводу, что заявителю было отказано в доступе к правосудию в нарушение статьи 6 Конвенции.

Основываясь на положениях статьи 13 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции заявитель жаловался, в частности, на то, что

органы государственной власти не приняли необходимых превентивных мер для защиты его права собственности и впоследствии не предоставили ему адекватных средств правовой защиты, позволяющих ему отстаивать свои права. Кроме того, уголовное производство, начатое после инцидента, не соответствовало принципу эффективного судебного разбирательства, как это ранее рассматривалось Судом в деле *Öneryıldız v. Turkey [GC], no. 48939/99, ЕСПЧ 2004 XII*.

Суд отметил, что эксплуатация нефтеперерабатывающего завода, несомненно, представляет собой опасную производственную деятельность. При этом Суд сослался на предыдущую судебную практику, согласно которой в ситуации, когда опасная производственная деятельность, осуществляемая в интересах и под ответственность соответствующих государственных структур, привела к лишению жизни, утрате здоровья и имущества людей, объем мер, необходимых для охраны жилья, неотличим от объема мер, которые надлежит принимать для охраны жизни людей (для чего требуется надлежащая нормативная база, предусматривающая все необходимые гарантии во избежание создания риска для жизни) (см. *Öneryıldız §§ 106–108 и 134–136; Budayeva and Others v. Russia, nos. 15339/02 and 4 others, § 173, ЕСПЧ 2008; и Kolyadenko and Others v. Russia, nos. 17423/05 and 5 others, § 216, 28 февраля 2012*).

В вопросе о том, имел ли заявитель эффективные средства правовой защиты для оспаривания предполагаемой неспособности государства защитить его собственность, Суд согласился с заявителем в том, что уголовное разбирательство по делу было недостаточным, но вместе с тем отметил, что иск о компенсации ущерба против *Tüpraş* и ответственных органов государственной власти, поданный в гражданский и административный суд «не только был бы правомерен, но и, возможно, являлся наиболее подходящим для предоставления заявителю адекватного возмещения». Интересно, что Суд не счел нужным рассматривать приемлемость или существо жалоб заявителя о предполагаемой прямой ответственности *Tüpraş* за взрыв и последующий ущерб его имуществу, принимая во внимание ранее сделанный вывод, основанный на статье 6 Конвенции.

В соответствии со своим подходом к понятию эффективного средства правовой защиты в отношении *Tüpraş* Суд отметил, что административные суды уполномочены устанавливать обстоятельства дела, возлагать ответственность за происшествия и выносить подлежащие исполнению решения. Заявитель не возбудил административного иска против государства и поэтому не исчерпал эффективное средство правовой защиты.

***Mutu and Pechstein против Швейцарии* (№№ 40575/10 и 67474/10).
Постановление от 2 октября 2018 года. Урегулирование споров
посредством спортивного арбитража в соотношении с правом на доступ
к правосудию и правом на справедливое судебное разбирательство.**

Заявители – профессиональные *футболист* и *конькобежец*, привлечены к разбирательству в Спортивном арбитражном суде (CAS) в Лозанне. CAS осуществляет свои полномочия в статусе независимого частного юридического фонда. Он был создан для целей рассмотрения споров, возникающих в международном спортивном секторе (например, договорных споров между футболистами и их клубами, привлечения спортсменов к дисциплинарной ответственности). Апелляция на решения CAS может быть подана в Федеральный суд Швейцарии. Заявители жаловались, что разбирательство в CAS было несправедливым, поскольку коллегии, рассматривавшие их дела, не обладали независимостью и беспристрастностью. Апелляции заявителей в Федеральный суд Швейцарии оказались безуспешными. Оба заявителя жаловались в ходе разбирательства в Суде на нарушение статьи 6 Конвенции, выразившееся в предполагаемом отсутствии независимости и беспристрастности CAS. Вторая заявительница также жаловалась на то, что ни CAS, ни Федеральный суд Швейцарии не провели публичного слушания по ее делу.

Судом установлено нарушение Конвенции только в отношении отсутствия публичного слушания в CAS по делу второй заявительницы.

Постановление представляет интерес в том смысле, что оно иллюстрирует взаимодействие между Конвенцией и международными нормативными режимами, которые применяются к профессиональным спортсменам (см.: *FNASS and Others v. France*, nos. 48151/11, 77769/13, 18 января 2018 г.). Важно отметить, что данное дело также предоставило Суду возможность пересмотреть свою судебную практику в соответствии со статьей 6 Конвенции об использовании арбитров в соотношении с правом на доступ к правосудию и гарантиями справедливого судопроизводства.

Существенным соображением в данном деле стало то, что, решив рассматривать свои жалобы в CAS, а не в национальном суде, *заявители свободно отказались от использования процессуальных гарантий, предусмотренных статьей 6 Конвенции, или, по крайней мере, от некоторых из них*. Правительство утверждало, что, за исключением апелляционного производства в Федеральном суде Швейцарии, оба заявителя добровольно отказались от своего права на определение своих гражданских прав судом в соответствии с требованиями статьи 6 Конвенции о справедливости.

Суд в своей практике на протяжении многих лет разъясняет, что *разрешение гражданских споров с помощью арбитража, а не в обычных национальных судах, совместимо со статьей 6 Конвенции*. Он подчеркнул преимущества арбитража перед судебными разбирательствами, когда речь заходит об урегулировании коммерческих споров. Данное дело предоставило

ему возможность подтвердить, что *это заключение в равной степени справедливо для сектора профессионального спорта*, отметив в данном деле возможность пересмотра решений CAS Федеральным судом Швейцарии.

В судебной практике Суда проводится различие между добровольным и принудительным использованием арбитража, что является определяющим фактором при рассмотрении дела (см. *Suda v. the Czech Republic*, no. 1643/06, 28 October 2010; *Tabbane v. Switzerland (dec.)*, no. 41069/12, 1 марта 2016 г.; *Suovaniemi and Others v. Finland (dec.)*, no. 31737/96, 23 февраля 1999 г.; *Eiffage S. A. and Others v. Switzerland (dec.)*, no. 1742/05, 15 сентября 2009 г.; *Transado-Transportes Fluviais do Sado, S.A. v. Portugal (dec.)*, no. 35943/02, 16 декабря 2003 г.).

Суд установил, что у второй заявительницы не было иного выбора, кроме как передать свое дело в CAS. Из правил Международного союза конькобежцев следовало, что споры должны быть переданы в CAS, иначе могло последовать исключение из международных соревнований. В данном случае нельзя сказать, что вторая заявительница добровольно отказалась от своего права пользоваться защитой статьи 6 Конвенции, в частности от права на публичное разбирательство дела независимым и беспристрастным судом.

При этом первый заявитель, со своей стороны, не был обязан пользоваться юрисдикцией CAS. Согласно соответствующим международным правилам, футболистам предоставлялся соответствующий выбор. Этот выбор осуществляется в процессе договорных переговоров между футболистами и их клубами. Первый заявитель согласился в своем контракте с клубом обратиться к юрисдикции CAS, а не к юрисдикции национальных судов в случае судебного разбирательства между ними. Тем не менее, Суд пришел к выводу о том, что первый заявитель не мог считаться однозначно согласившимся на рассмотрение его дела коллегией CAS, не обладающей независимостью и беспристрастностью. Для Суда было важно, что первый заявитель, используя правила, регулирующие производство в CAS, фактически пытался оспорить пребывание в коллегии одного из арбитров. Очевидно, что в ходе разбирательства обоим заявителям должны были быть предоставлены гарантии, предусмотренные статьей 6 Конвенции.

Переходя к существу жалоб заявителей, Суд пришел к выводу, что в свете сложившейся судебной практики и причин, приведенных Федеральным судом Швейцарии в ходе апелляционного производства, ни один из арбитров, оспариваемых первым заявителем, не был лишен беспристрастности. Таким образом, в его деле не было нарушения статьи 6 Конвенции.

Вторая заявительница, со своей стороны, утверждала, что порядок назначения членов в состав коллегий CAS создал структурную проблему, которая подрывает независимость и беспристрастность коллегий. По существу, она утверждала, что правила, применявшиеся во время ее арбитражного разбирательства, допускали чрезмерное представительство в коллегиях CAS назначенных представителей руководящих спортивных

федераций в ущерб представительству спортсменов, которые, кроме того, не имели права голоса в том, каким образом их представители должны были быть выбраны в отличие от коммерческого арбитражного разбирательства. Суд отклонил приведенный довод, поскольку для его аргументации было крайне важно, что, признавая факт того, что управляющие спортивные федерации могут влиять на назначение арбитров, *вторая заявительница не выдвинула никаких аргументов, которые ставили бы под сомнение независимость и беспристрастность, в целом, тех лиц (около 300 человек), которые фигурировали в списке возможных арбитров на момент ее разбирательства.* Федеральный суд Швейцарии в своем решении пришел к аналогичному выводу.

Суд нашел нарушение статьи 6 Конвенции в том, что *вторая заявительница не имела публичных слушаний в CAS. Она не отказывалась от своего права на публичное разбирательство, а просила о нем в ходе арбитражного разбирательства.* По мнению Суда, поднятые вопросы заслуживают рассмотрения с учетом того, что они затрагивают, среди прочего, спорные фактические вопросы, *ведущие к наложению на заявительницу санкции.* Этот аспект постановления представляет интерес с учетом всеобъемлющего рассмотрения обстоятельств, при которых требуется проведение публичного слушания в соответствии со статьей 6 Конвенции.

Naït-Liman против Швейцарии (№ 51357/07). Постановление от 15 марта 2018 года. Обязаны ли национальные суды в соответствии с международным правом принимать иски о возмещении ущерба жертвам актов пыток, совершенных в пределах юрисдикции третьих государств?⁸

Заявитель утверждал, что он был задержан и подвергнут пыткам в Тунисе в 1992 году по приказу министра внутренних дел. Ему было предоставлено политическое убежище в Швейцарии в 1995 году. В 2004 году им был подан иск в Швейцарии против Туниса о компенсации морального вреда, причиненного в результате предполагаемых актов пыток. Швейцарские суды отказались рассматривать иск, а Федеральный суд Швейцарии пришел к выводу, что швейцарские суды не обладают юрисдикцией в рамках *«forum of necessity»* [юрисдикции гражданских судов, когда производство за рубежом оказывается невозможным или затруднительным (юрисдикция в силу необходимости)], учитывая отсутствие связи между фактами дела и Швейцарией в соответствии с разделом 3 Федерального закона «О международном частном праве «LDIP».

---

⁸ Текст приведенного постановления размещен на сайте Верховного Суда Российской Федерации в разделе «Ведомственный контур» (папка «Международное право»), доступном для нижестоящих судов, а также опубликован в журнале «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека» № 8, 2018.

Заявитель обратился в Суд с жалобой на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, посчитав этот отказ нарушением его права на доступ к правосудию.

Судом не было усмотрено нарушения статьи 6 Конвенции в рассматриваемом деле.

Большая Палата подчеркнула наличие международного консенсуса по вопросу *права жертв пыток на получение компенсации*. Не поддается сомнению, что это право является обязательным для исполнения государством, на территории которого осуществлялись пытки или в случаях, когда пытки производились лицами, находящимися под его юрисдикцией. В рассматриваемом деле требовалось прояснить вопрос о том, *распространяется ли это право на деяния, совершенные экстерриториально третьим государством или под юрисдикцией третьего государства*.

Постановление примечательно тем, что Большая Палата изложила свое мнение относительно содержания международно-правовых принципов «универсальной гражданской юрисдикции» и «*forum of necessity*» с целью установления того, *были ли швейцарские суды обязаны в соответствии с международным правом принять иск заявителя о компенсации за акты пыток, предположительно совершенные в Тунисе*. Если бы швейцарские суды были обязаны это сделать, то они, в свою очередь, определили бы объем применимой свободы усмотрения и, таким образом, соразмерность оспариваемого ограничения, наложенного на доступ заявителя к этим судам.

Суд пришел к выводу, что государства, которые признают универсальную гражданскую юрисдикцию, действующую автономно в отношении актов пыток, в настоящее время являются исключением из общего правила. Хотя практика государств развивается, *преобладание универсальной гражданской юрисдикции еще недостаточно для того, чтобы указать на возникновение, а тем более на консолидацию международного обычая, который обязал бы швейцарские суды признать, что они обладают юрисдикцией для рассмотрения иска заявителя*.

Суд посчитал, что в его нынешнем виде *международное договорное право также не признает универсальную гражданскую юрисдикцию в отношении актов пыток*, обязывая государства предоставлять, при отсутствии какой-либо иной связи с «*forum of necessity*», гражданские средства правовой защиты в отношении актов пыток, совершенных за пределами территории государства должностными лицами иностранного государства.

В этой связи Большая Палата пришла к выводу о том, что *ни выводы Комитета против пыток, ни положения международных актов не требуют от государства признания универсальной юрисдикции, даже если некоторые недавние и не имеющие обязательной силы документы поощряют государства в этом направлении*.

Кроме того, Большая Палата также пришла к выводу о том, что не существует ни международной нормы, закрепляющей концепцию «*forum of necessity*», ни какого-либо международного договорного обязательства, предусматривающего это.

Соответственно, в отсутствие требования, установленного международным правом, у государства-ответчика была широкая свобода усмотрения. Считая, что толкование швейцарскими судами раздела 3 LDIP об отклонении иска заявителя не превысило их полномочий, это решение не было несоразмерным, следовательно не было нарушения статьи 6 Конвенции.

Наконец, следует отметить, что в своих заключительных замечаниях Суд, тем не менее, призвал государства добиваться прогресса в этом отношении.

Большая Палата подчеркнула, что ее вывод об отсутствии нарушений не ставит под сомнение широкий международный консенсус в отношении права жертв пыток на получение надлежащего и эффективного возмещения или тот факт, что государства «поощряются к осуществлению этого положения путем наделения своих судов юрисдикцией рассматривать подобные иски о компенсации, в том числе в тех случаях, когда они основаны на фактах, имевших место за пределами их географических границ». Усилия, предпринимаемые государствами в этой сфере, заслуживают высокой оценки. Суд не исключил возможности дальнейшего развития этой области с учетом ее динамичного характера. Хотя Суд не нашел никаких нарушений в данном деле, им было предложено:

«государствам-участникам Конвенции учесть в своем правовом регулировании факторы, способствующие эффективному осуществлению права на компенсацию за акты пыток, тщательной оценке любого иска такого характера, с тем чтобы выявить, где это уместно и критерии, на основе которых их суды могли принять на себя юрисдикцию для изучения подобного иска».

Ramos Nunes de Carvalho u Sá против Португалии (№№ 55391/13, 57728/13, 74041/13). Постановление от 6 ноября 2018 года. Пересмотр дела о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности⁹.

Дело касалось трех дисциплинарных разбирательств в отношении судьи-заявителя, которые привели к его отстранению от исполнения обязанностей на 240 дней, наложенных Высшим судебным советом («CSM»). Судебная коллегия Верховного Суда Португалии рассмотрела и оставила без

---

⁹ Текст приведенного постановления размещен на сайте Верховного Суда Российской Федерации в разделе «Ведомственный контур» (папка «Международное право»), доступном для нижестоящих судов, а также опубликован в журнале «Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск» № 4 (28) 2019.

изменения вынесенное решение. Заявитель жаловался на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

Палата установила, что имело место нарушение данного положения в его гражданско-правовом аспекте с учетом совокупного отсутствия независимости и беспристрастности CSM, недостаточного объема пересмотра Судебной коллегией и отсутствия проведения публичных слушаний.

Вместе с тем Большая Палата признала жалобу в части независимости и беспристрастности CSM неприемлемой (несвоевременной), а жалобу по пункту 3 статьи 6 Конвенции несовместимой с принципом *ratione materiae* [предмет рассмотрения дела]. Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции в ее гражданско-правовом аспекте в отношении независимости и беспристрастности Судебной коллегии Верховного Суда Португалии, однако установил нарушение этого положения Конвенции в отношении недостаточного объема рассмотрения дела и отсутствия публичного слушания.

Это дело имеет существенное значения для практики *привлечения судей к дисциплинарной ответственности*. Вывод Большой Палаты о том, что суд, осуществлявший судебный пересмотр, не был лишен независимости или беспристрастности, важен для правовых и конституционных механизмов в Португалии и, путем экстраполяции, в других юрисдикциях. При оценке достаточности судебного пересмотра Большая Палата адаптировала критерии, использованные в деле *Брайан против Соединенного Королевства*, для отражения специфики и важной роли судей и судебной системы в демократическом государстве.

Следует отметить ряд вопросов, изложенных в постановлении Суда.

Большая Палата отдельно рассмотрела доводы жалобы, подвергающие сомнению независимость и беспристрастность Судебной коллегии Верховного Суда Португалии, не обнаружив в этой связи нарушения статьи 6 Конвенции. Довод о том, что судьи Верховного Суда Португалии не обладают независимостью и беспристрастностью, поскольку по определению находятся под властью CSM в отношении их собственной карьеры и дисциплинарных вопросов, ранее был предметом рассмотрения Суда в деле *Александр Волков против Украины*. Однако нынешняя Большая Палата не выявила серьезных структурных недостатков португальского дисциплинарного органа CSM, как в случае с украинским HCJ (что недавно было подтверждено в деле *Denisov v. Ukraine [GC]*, §§ 68–72). Интересно, что в отношении иных правовых систем, Большая Палата дала следующий комментарий:

«В более общем плане Суд считает приемлемым, что судьи при исполнении своих судебных полномочий должны рассматривать различные дела, зная, что они сами могут в какой-то момент своей карьеры находиться в аналогичном положении одной из сторон,

включая ответчика. Однако чисто абстрактный риск такого рода не может рассматриваться как фактор, способный поставить под сомнение беспристрастность судьи *в отсутствие конкретных обстоятельств, касающихся его или ее лично.* Даже в контексте дисциплинарных дел теоретический риск такого характера, заключающийся в том, что судьи, рассматривающие дела, сами по-прежнему подпадают под действие ряда дисциплинарных норм, сам по себе не является достаточным основанием для выявления нарушения принципа беспристрастности».

Соответственно, учитывая особые гарантии защиты судей Судебной коллегии от внешнего давления, опасения заявителя по поводу отсутствия независимости и беспристрастности, основанные на этом факте, сочтены Судом неоправданными.

Что касается двух других жалоб в соответствии со статьей 6 Конвенции, относительно *объема судебного надзора и отсутствия публичных слушаний*, то Большая Палата, как отмечалось выше, адаптировала критерии дела *Брайан против Соединенного Королевства* в контексте производства по делу о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности.

Первый критерий дела *Брайана* относительно «предмета спора» в настоящем деле сочтен еще более применимым к разбирательству в отношении привлечения судьи к дисциплинарной ответственности, поскольку судьи должны пользоваться уважением, необходимым для выполнения их полномочий. Дисциплинарные процедуры влекли за собой особенно серьезные последствия для карьеры судей: предъявленные факты могли привести к отстранению заявителя от должности, таким образом, представляли собой «очень серьезное наказание, которое несет значительную степень стигматизации. *Когда государство инициирует подобное дисциплинарное разбирательство, на карту ставится общественное доверие к функционированию и независимости судебной системы, а в демократическом государстве на таком доверии зиждется верховенство права.* Кроме того, Суд подчеркнул возрастающее значение принципа разделения властей и необходимость обеспечения независимости судебных органов.

Относительно второго критерия дела *Брайана*, касающегося *процессуальных гарантий*, Большой Палатой отмечено, что Высший судебный совет CSM действительно предоставляет определенные процессуальные гарантии, однако отсутствие публичных слушаний в CSM означало, что им не использовались свои дискреционные полномочия в данном деле.

В соответствии с *третьим критерием* дела *Брайана* Большой Палатой рассмотрено четыре аспекта:

- вопросы, представленные на рассмотрение;
- используемые методы;
- полномочия суда на принятие решений;

основания принятых судом решений.

Большая Палата сосредоточила свое внимание на отсутствии публичных слушаний, отметив, что *в рамках дисциплинарного производства отказ от публичного слушания может быть совершен в исключительных случаях и должен получить оправдание в свете сформировавшейся судебной практики Суда*. Принимая во внимание, в частности, сложные правовые и фактологические вопросы в споре, *дело не должно было рассматриваться только по документам*, Большая Палата вновь подчеркнула значение и специфическую роль судей и судебной власти.

Большая Палата пришла к следующему заключению:

«214. ... в обстоятельствах настоящего дела, принимая во внимание контекст дисциплинарного производства по рассматриваемому делу, проводимого в отношении судьи, серьезность наказания, тот факт, что процессуальные гарантии в рамках производства CSM были ограничены, а также в связи с тем, что существовала необходимость оценки фактических доказательств, дающих возможность доверять заявителю в рассматриваемых вопросах, а также свидетельским показаниям, составляющим решающий аспект дела – совокупное воздействие двух факторов, а именно недостаточности судебного контроля, осуществляемого Судебной коллегией Верховного Суда, и отсутствие [публичного] слушания на стадии дисциплинарного производства либо на стадии судебного контроля, означало, что дело заявителя не было рассмотрено в соответствии с требованиями пункта 1 статьи 6 Конвенции».

Carrefour France против Франции (№ 37858/14). Решение от 24 октября 2019 года. Принцип о применении наказания только к нарушителю в делах о слиянии одной компании с другой (пункты 1 и 2 статьи 6 Конвенции).

В отношении дочерней компании компании-заявителя было возбуждено уголовное дело за антиконкурентную практику. Пока шло разбирательство, компания-заявитель решила закрыть свою дочернюю компанию, не ликвидировав бизнес, тем самым взяв ее в качестве действующего концерна со всеми активами и обязательствами. Таким образом, компания-заявитель создала объединенную компанию, признала все незавершенные контракты бывшей дочерней компании и стала работодателем ее персонала.

Впоследствии в рамках антимонопольного законодательства компания-заявитель была обязана выплатить штраф в размере 60 000 евро за действия, вменяемые бывшей дочерней компании, чей бизнес она продолжила. Компания-заявитель подала апелляцию, утверждая, что этот штраф нарушает принцип о применении наказания исключительно к правонарушителю. *Кассационный суд отклонил эту апелляционную жалобу, посчитав, что,*

поскольку слияние привело к экономической и функциональной преемственности от бывшей компании, решение суда в отношении оставшейся компании в связи с нарушениями, совершенными в рамках той же деятельности, что и деятельность объединенной компании, не является несовместимым с этим принципом.

Суд отклонил эту жалобу как явно необоснованную.

В данном решении Суд впервые рассмотрел применение принципа, согласно которому наказание должно применяться только к нарушителю, в ситуации слияния одной компании с другой, а следовательно, экономической и функциональной преемственности объединенной компании.

Суду ранее уже доводилось сталкиваться с этим принципом при изучении вопроса о совместимости с пунктом 2 статьей 6 Конвенции приговора в отношении наследников, которые были обязаны выплатить штрафы уголовно-правового характера за налоговое мошенничество, вмененное усопшему (*E.L., R.L. and J.O.-L. v. Switzerland; A.P., M.P. and T.P. v. Switzerland*, а также по схожим вопросам см. *Estate of Nitschke v. Sweden, § 52; Silickienė v. Lithuania, § 51; and Lagardère v. France, § 77*). В соответствии со статьей 7 Конвенции Большая Палата выносила решение против конфискации имущества компаний-заявителей за действия, влекущие уголовную ответственность их директоров (*G.I.E.M S.R.L. and Others v. Italy [GC]*).

В настоящем деле Суд установил, что наложение штрафа на компанию-заявителя в связи с искажающими конкуренцию действиями, совершенными объединенной компанией до слияния, не нарушило принципа, согласно которому наказание должно применяться только к нарушителю.

Суд отметил, что *в случае слияния одной компании с другой бизнес бывшей компании со всеми ее активами и обязательствами переходит к образуемой компании, а акционеры становятся акционерами последней. Таким образом, экономическая деятельность, ранее осуществлявшаяся бывшей компанией и составлявшая ее основной бизнес, была продолжена образованной компанией, извлекающей выгоду из этой операции. В результате преемственности от одной компании к другой бывшая компания на самом деле не была «другой» по отношению к образованной компании.*

Иными словами, ситуация, возникающая в результате слияния одной компании с другой, влекущая за собой экономическую и функциональную преемственность бывшей компании, *представляет собой исключение из принципа, согласно которому наказание должно применяться только к нарушителю.*

Суд подчеркнул, что безусловное применение этого принципа в данном контексте может оказаться бесполезным для экономической ответственности юридических лиц, которые смогут уклониться от любых денежных взысканий только за счет таких операций, как слияние. Таким образом, выбор, сделанный во французском праве, был обусловлен необходимостью

обеспечить эффективность денежных взысканий, что было бы сведено на нет в случае систематического применения к юридическим лицам принципа, согласно которому наказание должно применяться только к правонарушителю. Суд далее отметил, что подход законодательства Европейского Союза в области конкурентного права является схожим и продиктован одной и той же целью: *не допустить, чтобы компании уклонялись от санкций только потому, что они приобрели новую идентичность после юридических или организационных изменений, и обеспечить эффективное соблюдение правил конкуренции.*

См. также нижеприведенное *Altay против Турции (№ 2) (№ 11236/09)*. **Постановление от 9 апреля 2019 года. Устное общение между адвокатом и его клиентом подпадает под понятие «частная жизнь» и является «гражданским» правом (статьи 6 и 8 Конвенции).**

Статья 8 (право на уважение частной и семейной жизни)

Право на уважение частной жизни

***M.L. и W.W. против Германии (№№ 60798/10, 65599/10)*. Постановление от 28 июня 2018 года. Отказ в удовлетворении ходатайства заявителей о возложении обязанности на средства массовой информации анонимизировать в режиме он-лайн архивные материалы, касающиеся их уголовного преследования и осуждения.**

Заявители были осуждены за убийство известного актера. Их судебный процесс получил большую огласку в средствах массовой информации. Отбывая наказание, заявители несколько раз безуспешно пытались возобновить уголовное производство. После освобождения они обратились с просьбой – по причинам, связанным с их социальной реинтеграцией, – к ряду средств массовой информации, которые сообщали об их преступлении, об анонимизации личной информации, хранящейся в их онлайн-архивах. Федеральный суд Германии в конечном итоге отклонил их жалобу на отказ средств массовой информации выполнить их просьбу.

В ходе разбирательства в Суде заявители утверждали, что это решение нарушает их право на уважение их частной жизни, гарантированное статьей 8 Конвенции. Суд не согласился с их доводами.

Это первый случай, когда Суду следовало определить, *установил ли национальный суд справедливый баланс между правами человека на неприкосновенность частной жизни, рассматриваемыми с точки зрения его права на защиту своих персональных данных, и правом средств массовой информации в соответствии со статьей 10 Конвенции, которые делают*

доступной для широкой публики свою архивную заметку с уже опубликованной информацией об этом человеке.

Во-первых, Суд подтвердил (§ 87), что защита персональных данных имеет основополагающее значение для реализации лицом своего права на уважение частной жизни (см. *Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy v. Finland [GC]*, §§ 136–137).

Во-вторых, обращаясь к статье 10 Конвенции, Суд вновь заявил (§ 90), что сеть Интернет играет важную роль в расширении доступа общественности к новостям и содействии распространению информации в целом. Ведение архивов в сети Интернет является одним из важнейших аспектов выполнения этой роли, а такие архивы подпадают под сферу защиты, предоставляемой статьей 10 Конвенции. Что касается архивов прессы, то он отметил (§§ 89 и 90), что в соответствии со своей предыдущей судебной практикой (см., в частности, дело *Times Newspaper Ltd v. the United Kingdom (nos. 1, 2)*, §§ 27, 45):

«<...> в то время, как основная функция прессы в условиях демократии заключается в том, чтобы выступать в качестве «общественного сторожевого пса», она играет и важную второстепенную роль, заключающуюся в поддержании и предоставлении доступа к архиву новостей, о которых сообщалось ранее».

Интересно, что Суд тщательно разграничил обстоятельства данного дела:

просьбу заявителей об анонимности, направленную в адрес средств массовой информации, которые опубликовали информацию о них во время судебного разбирательства, а затем хранили ее в электронном виде,

и случаи, когда физические лица осуществляют свои права на защиту данных в отношении их личной информации, которая опубликована в сети Интернет и с помощью поисковых систем может быть доступна и получена третьими лицами.

Суд отметил, что в зависимости от контекста балансирование между конкурирующими правами, предусмотренными в статьях 8 и 10 Конвенции, может приводить к различным результатам, когда речь идет о защите права на анонимизацию или удаление личных данных (§ 97).

Что касается того, установил ли Федеральный суд справедливый баланс между конкурирующими интересами, поставленными на карту в деле заявителей, то интересно отметить, что Европейский Суд занял позицию, согласно которой в контексте данного дела Федеральный суд мог бы обратиться к неисчерпывающему перечню обстоятельств, которые Суд сформулировал в своей предыдущей судебной практике, принимая во внимание, что некоторые из этих обстоятельств могут иметь меньшее отношение к обстоятельствам данного дела, чем другие (см. *Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy v. Finland*). К таким обстоятельствам относятся:

вклад в дискуссию, представляющую общественный интерес,

степень известности затрагиваемого лица,
 тема новостного сообщения,
 предшествующее поведение затрагиваемого лица,
 содержание, форма и последствия публикации (§§ 95–96).

Применяя эти критерии к фактам дела заявителей (§§ 98–115) и принимая во внимание *широкую свободу усмотрения*, которой пользуются национальные суды при решении подобных вопросов, Суд пришел к выводу, что отказ Федерального суда в удовлетворении просьбы заявителей не является нарушением их прав, установленных статьей 8 Конвенции.

Суд подчеркнул, среди прочего, законный характер первоначального сообщения о заявителях, *важность сохранения и обеспечения доступности этой информации* и поведение заявителей в отношении средств массовой информации.

Viçina против Хорватии (№ 58955/13). Решение от 31 октября 2019 года.
Защита частной жизни в случае неправильной идентификации лица,
изображенного на фотографии.

Журнал о стиле и моде, распространяемый по всей стране, опубликовал фотографию заявительницы, присутствующего на популярном музыкальном концерте. Подпись к фотографии ошибочно идентифицировала заявительницу как жену мэра города, где проходил концерт. Заявительница подала гражданский иск против издателя журнала, требуя возмещения убытков в связи с ошибочной подписью к ее фотографии. Она утверждала, в частности, что, учитывая противоречивую общественную оценку мэра, она пережила ряд небольших, но неприятных инцидентов после публикации. В конечном счете национальные суды отклонили ее иск, заявив, что факты этого дела не являются основанием для присуждения денежной компенсации. В частности, поскольку имя жены мэра не было упомянуто в негативном контексте и поскольку она не воспринималась общественностью как спорная фигура, оспариваемая ошибка в подписи к фотографии не означала нарушения личных прав заявителя.

Это дело примечательно в двух отношениях.

1. Это первый случай, когда предполагаемое нарушение позитивных обязательств, вытекающих из статьи 8 Конвенции, касалось *неправильной идентификации лица, изображенного на опубликованной фотографии*, а не опубликованной фотографии как таковой (недавнее изложение общих принципов, касающихся права лица на защиту своего изображения, см. *López Ribalda and Others v. Spain [GC]*, § 89).

2. Суд в данном деле применил критерий порога серьезности к вопросу о применимости статьи 8 Конвенции *ratione materiae* [ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения] и, в частности, к вопросу о

последствиях для частной жизни и чести/репутации заявителя (подход, изложенный в деле *Denisov v. Ukraine [GC]*, § 92, в контексте трудового спора). Палата перечислила целый ряд факторов, с помощью которых можно было бы определить воздействие на настоящего заявителя:

способ получения фотографии;

характер публикации;

цель, для которой эта фотография была использована и как она может быть использована впоследствии;

а также последствия публикации фотографии для заявителя (факторы, использованные в деле *Couderc and Hachette Filipacchi Associés V. France [GC]*, §§ 86–87).

Применив эти критерии, Суд пришел к выводу, что, *хотя ошибочная идентификация могла бы вызвать некоторое беспокойство у заявительницы, уровень серьезности, связанный с ошибочной маркировкой ее фотографии, и неудобства, которые она испытала, не привели к возникновению вопроса в соответствии со статьей 8 Конвенции, будь то в контексте защиты ее имиджа или ее чести и репутации. Следовательно, статья 8 Конвенции не применима к фактам данного дела. Было установлено, что ее применение несовместимо *ratione materiae* [ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения] с положениями Конвенции.*

Libert против Франции (№ 588/13). Постановление от 22 февраля 2018 года. Ознакомление работодателя с файлами работника, хранящихся на жестком диске его рабочего компьютера с пометкой «личное».

Заявитель работал в SNCF, французской государственной железнодорожной компании, и был отстранен от своих обязанностей до завершения проводимой в отношении него служебной проверки. В отсутствие заявителя, представители работодателя изучили содержимое жесткого диска его компьютера и обнаружили файлы, содержащие, среди прочего, большое количество порнографических фотографий и фильмов. В результате заявитель был уволен. В ходе разбирательства в национальных судах он жаловался на то, что его работодатель нарушил его право на уважение частной жизни, открыв в его отсутствие файл с пометкой «смех», хранящийся на жестком диске, который он четко определил как содержащий «личные данные».

Национальные суды отклонили его довод, не согласившись с тем, что описание, данное заявителем жесткому диску, и имя, данное файлу, являются достаточными основаниями для определения того, что содержание файлов является частным и требует его присутствия для получения к нему доступа представителям работодателя. Национальные суды отметили в соответствии со сложившейся судебной практикой Кассационного суда, что *работник не вправе назвать жесткий диск своего служебного компьютера «личное», поскольку он по умолчанию предназначен для профессионального*

использования и файлы данных, хранящиеся на нем, как предполагается, относятся к профессиональной деятельности, если только работодатель четко не указал, что содержание может являться частным.

Заявитель утверждал в ходе разбирательства в Суде, что обстоятельства его дела свидетельствуют о неоправданном нарушении его права на уважение частной жизни. Однако Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения статьи 8 Конвенции.

Постановление внесло дополнительный вклад в растущую судебную практику по надзору за работодателями (см. в этой связи, в отношении контроля телефона и использования интернета: *Bărbulescu v. Romania [GC]*, no. 61496/08, ECHR 2017 (выдержки); *Halford v. the United Kingdom*, 25 June 1997, Отчеты о постановлениях и решениях 1997 III; *Copland v. the United Kingdom*, no. 62617/00, ECHR 2007 I; и по вопросу видеонаблюдения: *Köpke v. Germany (dec.)*, no. 420/07, 5 октября 2010 г.; *Antović and Mirković v. Montenegro*, no. 70838/13, 28 ноября 2017 г.; *López Ribalda and Others v. Spain*, nos. 1874/13, 8567/13, 9 января 2018 г.).

Можно выделить следующие основные моменты.

Во-первых, Суд подтвердил, что информация, хранящаяся на служебном компьютере и четко обозначенная как «частная», при определенных обстоятельствах может подпадать под понятие «частная жизнь», что влечет за собой применение статьи 8 Конвенции. В этой связи он отметил, что SNCF допускает редкое использование сотрудниками своих служебных компьютеров в личных целях при условии соблюдения ими соответствующих правил.

Во-вторых, в отличие, например, от дела *Bărbulescu v. Romania*¹⁰, Суд рассмотрел жалобу заявителя с точки зрения предполагаемого вмешательства государства в право заявителя по статье 8 Конвенции. SNCF является субъектом публичного права, даже если он обладает определенными чертами

---

¹⁰ Заявитель был уволен своим работодателем, частной компанией, за использование Интернета компании в рабочее время в нарушение правил внутреннего распорядка, запрещавших использование компьютеров компании в личных целях. Работодатель в течение определенного периода осуществлял мониторинг коммуникаций заявителя через аккаунт в мессенджере Yahoo, который заявителю было предложено открыть для целей ответа на обращения клиентов. Записи, представленные в ходе внутригосударственного разбирательства, доказывают, что он обменивался с третьими лицами сообщениями частного характера.

В конвенционном разбирательстве, как и в судах Румынии, заявитель жаловался на то, что прекращение его контракта было вызвано нарушением его права на уважение личной жизни и корреспонденции и что суды страны не защитили это право.

Постановлением от 12 января 2015 г. Палата Европейского Суда установила шестью голосами «за» и одним – «против», что по делу требования статьи 8 Конвенции нарушены не были, и ничто не указывало, что власти не установили в пределах своей дискреции справедливое равновесие между правом заявителя на уважение личной жизни в соответствии со статьей 8 Конвенции и интересами его работодателя.

Большая Палата установила, что было допущено нарушение требований статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

частно-правового характера. В деле *Bărbulescu* источником нарушения права заявителя был частный работодатель, что означало, что Суд в данном случае должен был рассмотреть жалобу заявителя с точки зрения соблюдения государством своего позитивного обязательства защищать право заявителя на уважение его частной жизни.

В-третьих, Суд согласился с тем, что на момент рассмотрения национальными судами дела существовала судебная практика Кассационного суда, согласно которой любые файлы, созданные сотрудником на его *служебном* компьютере, считались профессиональными по своему характеру, если только работник четко не обозначил такие файлы как «личные». Если работник делает это, доступ к файлам может получить только представитель работодателя в присутствии работника или после того, как последний был должным образом приглашен. Таким образом, решение по данному делу имеет законную основу с надлежащими гарантиями для предотвращения произвола. Суд вернулся к этому вопросу при рассмотрении соразмерности вмешательства.

В-четвертых, Суд признал со ссылкой на трактовку требования о законной цели в решении по делу *Bărbulescu* (§ 127), что *работодатель имеет законный интерес в обеспечении бесперебойного функционирования компании и что это может быть сделано путем создания механизмов проверки выполнения работниками своих профессиональных обязанностей надлежащим образом и с необходимой тщательностью.*

Наконец, Суд пришел к выводу о том, что национальные суды разъяснили в своей судебной практике надлежащие и достаточные основания для вмешательства, а также гарантии для предотвращения произвольного доступа работодателя к информации работника, четко обозначенной как «частная» (сравните и сопоставьте в этой связи выводы Суда в постановлении по делу *Bărbulescu*).

Интересно отметить, что Суд не счел проблемой факт того, что Кассационный суд в своей предыдущей практике, по-видимому, признавал, что обозначение жесткого диска или файла в качестве «личного» является достаточным основанием для придания частного характера его содержимому. Однако именно это обозначение использовалось заявителем. *Ключевое значение для Суда имело наличие или отсутствие в локальном акте работодателя, регулирующем использование его компьютерной системы, упоминания о том, что частная информация должна быть четко обозначена как «частная».*

***López Ribalda и другие против Испании* (№№ 1874/13 и 8567/13).
Постановление от 17 октября 2019 года. Право работника на уважение частной жизни на рабочем месте и пределы права работодателя на ведение видеонаблюдения.**

Заявители работали кассирами и продавцами-консультантами в супермаркете. Чтобы расследовать некоторую замеченную утрату товаров их

работодатель решил установить камеры наблюдения. Некоторые камеры, установленные для съемки входов и выходов из магазина, были на виду, в то время как другие, направленные на кассы и товары, были скрыты. Национальное законодательство предусматривает четкие правила, которые обязывают лицо, ответственное за систему видеонаблюдения, даже в общественном месте, предварительно уведомлять лиц, находящихся под наблюдением этой системы. Однако заявители были уведомлены только о тех камерах, которые были видны, а не о скрытых. Некоторые из заявителей могли находиться под видеонаблюдением в течение всего рабочего дня. Видеонаблюдение продолжалось десять дней и прекратилось, когда видеозапись показала, что заявители воровали товары. Они были уволены на основании данных видеонаблюдения, о которых идет речь.

Палата постановила, что имело место нарушение статьи 8. Видеонаблюдение, которое осуществлялось работодателем в течение длительного периода времени, не соответствовало требованиям законодательства. Кроме того, национальные суды не смогли найти справедливого баланса между правом заявителей на уважение их частной жизни и заинтересованностью их работодателя в защите своих имущественных прав.

Большая Палата, напротив, установила, что нарушения статьи 8 Конвенции не было.

Постановление Большой Палаты транслирует принципы, изложенные в деле *Bărbulescu v. Romania* [GC], относительно видеонаблюдения на рабочем месте, причем некоторые из этих принципов были взяты из более раннего постановления по делу *Köpke v. Germany*, фактически аналогичного настоящему делу.

При этом Большая Палата определила факторы, которые необходимо учитывать при оценке конкурирующих интересов и соразмерности мер видеонаблюдения:

(i) *был ли работник уведомлен о возможности принятия работодателем мер видеонаблюдения и об осуществлении таких мер. Хотя на практике работники могут быть уведомлены различными способами, в зависимости от конкретных фактических обстоятельств каждого случая, уведомление, как правило, должно быть четким, содержать данные о характере мониторинга и предоставляться до осуществления видеонаблюдения.*

Суд подчеркнул, что это требование прозрачности и вытекающее из него право на информацию являются основополагающими по своему характеру, особенно в контексте трудовых отношений, когда работодатель обладает значительными полномочиями в отношении работников, следует избегать любого злоупотребления этими полномочиями. Таким образом, *отсутствие предварительной информации может быть оправдано лишь*

одним главным требованием, касающимся защиты важных государственных или частных интересов.

С другой стороны, Суд указал, что предоставление информации контролируемому лицу и ее объем являются лишь одним из критериев, которые должны приниматься во внимание для оценки соразмерности такой меры в данном конкретном деле. Однако если такая информация отсутствует, то гарантии, вытекающие из других критериев, будут иметь «тем большее значение».

(ii) *степень контроля со стороны работодателя и степень вмешательства в частную жизнь работника.* В этой связи следует учитывать

любые ограничения во времени и пространстве,
количество людей, имеющих доступ к результатам,
а также уровень конфиденциальности в контролируемой зоне.

Важно отметить, что в отношении последнего фактора Суд разъяснил, что *ожидание соблюдения неприкосновенности частной жизни, на которое работник мог бы обоснованно рассчитывать, очень важно в местах, которые являются частными по своей природе, таких как уборные или гардеробные, где оправдана повышенная защита или даже полный запрет на видеонаблюдение. Оно остается высоким в закрытых рабочих зонах, таких как офисы и оно явно ниже в тех местах, которые видны или доступны коллегам или, как в данном случае, широкой общественности.*

(iii) *представил ли работодатель законные основания для обоснования контроля и его масштабов. Чем более навязчивым будет контроль, тем «весомее» должно быть обоснование.*

Суд указал, что он не может согласиться с тем, что, в принципе, малейшее подозрение в незаконном присвоении или любом другом проступке со стороны работников может оправдать установку работодателем скрытого видеонаблюдения. *Именно наличие обоснованного подозрения в том, что был совершен серьезный проступок, и размер выявленных потерь могут служить весомым оправданием.* Это тем более актуально в ситуации, когда бесперебойное функционирование компании находится под угрозой не только из-за подозрений в недопустимом поведении одного работника, но и из-за подозрений в согласованных действиях нескольких работников, поскольку это создает атмосферу недоверия на рабочем месте.

iv) *можно ли было создать систему мониторинга, основанную на менее инвазивных методах и мерах.* В этой связи в свете конкретных обстоятельств каждого конкретного дела должна быть проведена оценка того, *могла ли цель, преследуемая работодателем, быть достигнута за счет меньшей степени вмешательства в частную жизнь работника.*

(v) *последствия мониторинга для работника, подвергнутого ему.* Следует принимать во внимание, в частности, использование работодателем результатов мониторинга и факт того, были ли такие результаты использованы для достижения заявленной цели предпринятой меры.

vi) *обеспечиваются ли работнику надлежащие гарантии*, особенно в тех случаях, когда контрольные операции работодателя носят инвазивный характер. Такие гарантии могут включать предоставление информации соответствующим работникам или представителям работников относительно установки и масштабов мониторинга, объявление такой меры независимому органу или предоставление возможности подачи жалобы.

Большая Палата подчеркнула, что *эти критерии должны применяться с учетом специфики трудовых отношений и развития новых технологий, которые могут позволить принимать меры, все более вторгающиеся в частную жизнь работников*.

Исходя из фактов дела, Большая Палата установила, что вмешательство в частную жизнь заявителей не достигло высокой степени серьезности и что *соображения, оправдывающие видеонаблюдение, были весомыми*. Принимая во внимание также существенные гарантии, предусмотренные испанской правовой системой, включая другие средства правовой защиты, которые заявители не использовали, Большая Палата пришла к выводу, что национальные власти не нарушили своих позитивных обязательств по статье 8 Конвенции.

Beghal против Великобритании (№ 4755/16). Постановление от 28 февраля 2019. Полномочия на задержание, обыск и допрос при осуществлении пограничного контроля в соответствии с законодательством о противодействии терроризму.

Заявительница является гражданкой Франции, проживающей в Соединенном Королевстве. Она посетила своего мужа, который также является гражданином Франции, в парижской тюрьме, где он ожидал суда по обвинению в терроризме. По возвращении в Соединенное Королевство заявительница была остановлена пограничниками в аэропорту. Действуя в соответствии с полномочиями, предоставленными в соответствии с Приложением 7 Закона о терроризме 2000 года, которые могут применяться к лицам, проходящим через границы въезда и выезда Соединенного Королевства, должностные лица сообщили заявительнице, что им необходимо провести с ней беседу, чтобы установить, «может ли она являться лицом, заинтересованным в совершении, подготовке или подстрекательстве к террористическим актам». Она была проинформирована о том, что ее не подозревают в терроризме и что она не находится под арестом. Заявительница и ее багаж были подвергнуты обыску. Она отказалась отвечать на большинство заданных ей вопросов. Примерно через два часа ей сказали, что она «свободна». Впоследствии заявительнице было предъявлено обвинение, в частности, в умышленном неисполнении обязанностей, предусмотренных Приложением 7 Закона, путем отказа отвечать на заданные вопросы. Верховный Суд в конечном итоге отклонил

жалобу заявительницы на меры, примененные к ней. Приложение 7 Закона было изменено до рассмотрения Верховным Судом жалобы заявительницы. Закон о внесении поправок, принятый в 2014 году, предусматривал более строгие меры безопасности (см. § 26). Верховный Суд рассмотрел жалобу заявительницы в свете измененного Приложения 7 Закона.

В ходе разбирательства в Суде заявительница, среди прочего, жаловалась на то, что осуществление вышеупомянутых полномочий, предусмотренных Приложением 7, нарушает ее права в соответствии со статьей 8 Конвенции.

Суд согласился с заявительницей, установив, что в отсутствие адекватных гарантий прав человека вмешательство в права заявительницы не происходило «в соответствии с законом».

Заслуживают внимания следующие основные моменты.

Во-первых, Суд установил (и государство-ответчик признало это), что имело место вмешательство в право заявительницы на уважение ее частной жизни. Важно отметить, что Суд отличил ситуацию заявителя от «досмотра, которому пассажиры безоговорочно подчиняются в аэропортах» (см. *Gillan and Quinton V. The United Kingdom*, no. 4158/05, § 64, ЕСПЧ 2010), установив, что полномочия, предусмотренные в Приложении 7, которыми воспользовались власти в деле заявительницы, были явно шире, чем иммиграционные полномочия, которым могут обоснованно подвергаться пассажиры (§ 76).

Во-вторых, Суд изложил свой анализ оспариваемых полномочий в контексте законной потребности государств в борьбе с международным терроризмом и важности контроля за международным передвижением террористов, вновь заявив, что государства пользуются широкой свободой усмотрения, когда речь идет о вопросах национальной безопасности. Важно отметить, что пограничные пункты неизбежно станут важным координационным центром для обнаружения и предотвращения передвижения террористов и/или предотвращения террористических нападений (§ 92).

В-третьих, и, что особенно важно, Суд установил, что гарантии прав, предусмотренные национальным законодательством на момент задержания заявительницы, были недостаточными для ограничения полномочий, указанных в Приложении 7, с тем, чтобы обеспечить ей адекватную защиту от произвольного вмешательства в ее право на уважение ее частной жизни. Суд особо отметил очень широкую свободу действий, предоставленную властям при принятии решения о том, следует ли и когда возможно осуществлять эти полномочия. Имеет некоторое значение тот факт, что Суд не счел, что отсутствие требования разумного подозрения в том, что какое-либо лицо было вовлечено в терроризм, делает осуществление полномочий в деле заявителя незаконным по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции. Например, он отметил, что были предоставлены инструкции для проводящих опрос сотрудников, которые пытались уточнить, когда они могут по своему усмотрению остановить отдельных лиц (§§ 95–98).

Тем не менее, Суд установил, что на момент задержания заявительницы Приложение 7 не может считаться соответствующим Конвенции по следующим причинам (§§ 100–108):

i) лица могут быть допрошены в течение максимум девяти часов и вынуждены отвечать на поставленные им вопросы без права присутствия адвоката;

(ii) отсутствие каких-либо обязательств со стороны следователя по представлению «разумных подозрений», по-видимому, затруднило бы для лиц возможность судебного пересмотра законности решения об осуществлении полномочий, предусмотренных Приложением 7;

(iii) хотя использование полномочий могло стать предметом независимого надзора со стороны независимого эксперта законодательства о терроризме, Суд не счел, что такой надзор способен компенсировать недостаточность гарантий, применимых к функционированию режима, предусмотренного в Приложении 7.

Mifsud против Мальты (№ 62257/15). Постановление от 29 января 2019 года. Обязательство предоставлять генетический образец в процессе установления отцовства.

Дело касается обязательного требования национального законодательства (статья 100А Гражданского кодекса) о предоставлении генетического образца в процессе разбирательства по делу об отцовстве. Заявителю было приблизительно 88 лет, когда женщина 55 лет, полагавшая, что заявитель был ее отцом, подала гражданский иск, чтобы получить ордер на проведение теста об установлении отцовства по, как было позже установлено, моральным и финансовым причинам. Заявитель просил о защите своих прав в рамках гражданского судопроизводства, но впоследствии дело было передано в Конституционный Суд.

Несмотря на обязательный характер соответствующего национального положения, судами был проведен подробный анализ фактов и, в частности, связанных с ними конкурирующих интересов, прежде чем принять решение о назначении теста.

Заявитель подчинился, прошел тест, который подтвердил, что он является отцом, и суд постановил внести поправки в свидетельство о рождении.

Заявитель обратился в Суд с жалобой на обязанность прохождения теста на отцовство, по его мнению нарушающей статью 8 Конвенции. Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения Конвенции.

Большинство заявлений, касающихся тестов на установление отцовства, подаются предполагаемыми дочерьми или сыновьями, стремящимися установить личность своих родителей, или предполагаемыми родителями, стремящимися отречься или определить отцовство. Поэтому такие заявления подаются истцами в порядке, установленном национальным законодательством.

Это первый случай, когда Суд рассматривал жалобу ответчика в рамках национального разбирательства, на которого была наложена *обязанность пройти тест на установление отцовства*, и, не обнаружив нарушений, Суд впервые признал, что можно действительно быть вынужденным дать генетический образец в спорном разбирательстве об отцовстве. Вопрос для Суда состоял в том, *правильно ли национальные суды задают вопросы и обеспечивают ли они надлежащий баланс между конкурирующими интересами (физическая неприкосновенность и неприкосновенность частной жизни отца против моральной и финансовой заинтересованности ребенка в установлении его биологического происхождения)*. Суд установил, что:

«77. <...> в настоящем деле, предписав заявителю пройти тест ДНК, после того как он (суд) определил необходимый баланс интересов, в судебном разбирательстве, в котором заявитель участвовал через адвоката по своему выбору и в котором его права на защиту соблюдались наравне с правами его оппонента, национальные суды установили справедливый баланс между интересами X. установить отцовство и интересами заявителя не проходить тесты ДНК».

С учетом наличия обязательного требования мальтийского законодательства в настоящем постановлении не рассматривается вопрос о каком-либо позитивном обязательстве государства устанавливать обязательные критерии.

Тем не менее интересно отметить доводы Суда в настоящем постановлении. В частности, Суд напомнил, что *статья 8 Конвенции не запрещает прибегать к медицинской процедуре, вопреки воле подозреваемого или вопреки воле свидетеля, в целях получения доказательств*, и что такие методы, могут распространяться и на гражданскую сферу, поскольку «сами по себе они не противоречат нормам закона и естественной справедливости».

Далее Суд подчеркнул «особую важность» законной цели выполнения государством позитивных обязательств, вытекающих из *статьи 8 Конвенции в отношении ребенка (желающего открыть биологическую сущность своего рождения)*.

Денисов против Украины (№ 76639/11). Постановление от 25 сентября 2018 года. Понятие частной жизни в контексте трудовых споров¹¹.

Заявитель был освобожден от должности председателя Киевского апелляционного административного суда за ненадлежащее исполнение своих административных обязанностей (управленческих полномочий), но остался в должности судьи того же суда. Им была подана жалоба, в частности, по статье 6 Конвенции на то, что разбирательство в Высшем совете юстиции (ВСЮ) и Высшем административном суде (ВАС) относительно его увольнения не было независимым и беспристрастным, а по статье 8 Конвенции – на нарушение его права на уважение его частной жизни.

25 апреля 2017 года дело было передано на рассмотрение Большой Палаты, которая сочла жалобу заявителя по статье 8 Конвенции несовместимой по основанию *ratione materiae* [ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения], поскольку ни причины, ни последствия его увольнения не оказали существенного влияния на его частную жизнь и, вместе с тем, пришла к выводу о нарушении статьи 6 Конвенции.

В постановлении Суда упоминается соответствующая судебная практика и принципы, касающиеся применения статьи 6 Конвенции к спорам, касающимся мандатов судей. В данном деле Суд установил нарушение статьи 6 Конвенции, *поскольку высший судебный орган не был независим и беспристрастен, а имеющиеся недостатки не были исправлены Высшем административном судом.*

Новый аспект этого постановления касается применимости статьи 8 Конвенции и, в частности, того, подпадает ли увольнение заявителя с поста председателя суда при сохранении его должности судьи под сферу действия права на уважение «частной жизни». При этом следует отметить, что статья 8 Конвенции была признана применимой в относительно недавнем и аналогичном контексте (*дело Erményi v. Hungary, no. 22254/14, 22 ноября 2016 г.*).

В этой связи следует отметить ряд моментов.

Судом была сформулирована позиция относительно приемлемости жалобы:

«Поскольку вопрос о применимости является вопросом, входящим в юрисдикцию Суда *ratione materiae* [в связи с предметом рассмотрения], следует соблюдать общее правило рассмотрения заявлений и проводить

---

¹¹ Текст приведенного постановления размещен на сайте Верховного Суда Российской Федерации в разделе «Ведомственный контур» (папка «Международное право»), доступном для нижестоящих судов, а также опубликован в журнале «Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск» № 11 (23), 2018.

соответствующий анализ на стадии приемлемости, если только нет особых оснований для включения этого вопроса в существо дела».

Основываясь на тщательном рассмотрении соответствующей судебной практики, Большая Палата определила принципы, по которым оценивается, соотносимы ли трудовые споры с понятием «частной жизни», и резюмировала их следующим образом:

«115. На основании вышеизложенного Суд приходит к выводу о том, что трудовые споры сами по себе не исключаются из сферы «частной жизни» по смыслу статьи 8 Конвенции. Есть некоторые типичные аспекты частной жизни, которые могут быть затронуты в таких спорах увольнением, понижением в должности, недопуском к профессии или другими аналогичными неблагоприятными мерами. Эти аспекты включают

(i) «внутренний круг» заявителя,

(ii) возможность заявителя устанавливать и развивать отношения с другими,

и (iii) социальную и профессиональную репутацию заявителя.

В таком споре обычно возникает вопрос о частной жизни в связи с двумя аспектами:

либо по причинам, лежащим в основе оспариваемой меры (в этом случае Суд применяет подход в соответствии с основанием),

либо – в некоторых случаях – в связи с последствиями для частной жизни (в этом случае Суд применяет подход, основанный на последствиях).

116. Если речь идет о подходе, основанном на последствиях, то критическое значение приобретает порог серьезности в отношении всех вышеупомянутых аспектов. Заявитель должен убедительно доказать, что именно в его случае порог был достигнут. Заявитель должен представить доказательства, свидетельствующие о наступлении последствий в связи с принятием оспариваемой меры. Суд признает, что статья 8 Конвенции применима только в тех случаях, когда эти последствия являются очень серьезными и затрагивают его или ее частную жизнь в очень значительной степени.

117. Суд установил критерии оценки тяжести или серьезности предполагаемых нарушений в различных контекстах. Страдания заявителя оцениваются путем сравнения его или ее жизни до и после указанной меры. Суд также считает, что при определении серьезности последствий в делах, связанных с трудоустройством, целесообразно оценивать субъективные представления заявителя на фоне объективных обстоятельств, существующих в конкретном деле. Этот анализ должен охватывать как материальные, так и нематериальные последствия предполагаемой меры. Однако заявителю остается определить и обосновать характер и степень своих страданий, которые должны иметь причинно-следственную связь с оспариваемой мерой. С учетом нормы

об исчерпании внутренних средств правовой защиты основные элементы таких утверждений должны быть в достаточной степени доведены до сведения национальных органов государственной власти, занимающихся этим вопросом».

Таким образом, Суд определил те аспекты частной жизни (*внутренний круг, внешний круг, репутация*), которые имеют отношение к трудовым спорам. Кроме того, поскольку причины увольнения заявителя не касались его частной жизни (а скорее его деятельности в публичном пространстве), речь шла о предполагаемых последствиях увольнения для частной жизни: бремя и стандарт доказывания были разработаны Большой Палатой в отношении оспариваемых последствий увольнения. На основании этих фактов Суд установил, что заявитель не продемонстрировал того, что последствия затрагивали соответствующие три аспекта его личной жизни, так что его жалоба по статье 8 Конвенции была несовместима с *ratione materiae* [предметом рассмотрения].

Интересны выводы Суда о «профессиональной и социальной репутации» заявителя, основной вопрос которых заключался в том, не посягнуло ли увольнение заявителя на его репутацию, чтобы «это оказало большое влияние на его уважение среди других членов общества, в результате чего это серьезно повлияло на его взаимодействие с обществом». Его увольнение с поста председателя суда не могло повлиять на его «профессиональную репутацию», поскольку он сохранил свою должность судьи и был уволен с поста председателя только на основании отсутствия у него управленческих навыков (в отличие от дела *Volkov v. Ukraine*); и, хотя, возможно, это было вершиной его юридической карьеры, он не уточнил, как эта потеря положения «вызвала серьезное предубеждение в отношении него в профессиональной среде» (а именно, его будущей карьеры судьи). Что касается его «социальной репутации», то важно, чтобы его увольнение по вышеуказанной причине не затрагивало более широкого морально-этического аспекта его личности и характера (ср. дело *Lekavičienė v. Lithuania*, no. 48427/09, and *Jankauskas v. Lithuania* (no. 2), no. 50446/09, оба 27 июня 2017 г.).

***Altay против Турции* (№ 2) (№ 11236/09). Постановление от 9 апреля 2019 года. Устное общение между адвокатом и его клиентом подпадает под понятие «частная жизнь» и является «гражданским» правом (статьи 8 и 6 Конвенции).**

Заявитель отбывает пожизненное заключение. С сентября 2005 года заявитель должен был проводить консультации со своим адвокатом в присутствии сотрудника пенитенциарного учреждения. Эта мера была назначена судом, когда было установлено, что адвокат действовал способом,

несовместимым со стандартами ее профессии, пытаясь передать заявителю материалы для чтения, которые не касались его прав на защиту.

В ходе разбирательства в Суде заявитель утверждал, что ограничение конфиденциальности его консультаций со своим адвокатом было несовместимо с его правами по статье 8 Конвенции и что национальное разбирательство, в ходе которого он пытался оспорить эту меру, не соответствовало требованию справедливого судебного разбирательства, установленного пунктом 1 статьи 6 Конвенции, поскольку, помимо прочего, он не был допущен к устному слушанию по делу. Суд согласился с обоими аспектами жалобы заявителя.

Это постановление примечательно тем, что Суд впервые установил, что *устное общение физического лица со своим адвокатом в контексте юридической помощи относится к сфере частной жизни*, поскольку цель такого взаимодействия состоит в том, *чтобы позволить этому лицу принимать обоснованные решения о своей жизни*. Примечательно, что в этой связи он отметил (§ 49):

«Чаще всего информация, сообщаемая адвокату, касается интимных и личных вопросов или деликатных вопросов. Из этого следует, что независимо от того, идет ли речь об оказании помощи в рамках гражданского или уголовного судопроизводства или об обращении за общей юридической консультацией, лица, консультирующиеся с адвокатом, могут обоснованно ожидать, что *их общение носит частный и конфиденциальный характер*».

Суд принял во внимание свою предыдущую судебную практику по статье 8 Конвенции, в частности в отношении привилегированного характера отношений между адвокатом и клиентом в контексте переписки между заключенным и его адвокатом. Следует напомнить, что в своем постановлении по делу *Campbell v. the United Kingdom* от 25 марта 1992 года, § 46, серия А № 233, Суд не увидел оснований проводить различие между категориями переписки с адвокатами. Он отметил, что, *независимо от их цели, они касаются вопросов частного и конфиденциального характера*. Важно отметить, что в данном деле Суд отметил (§ 51):

«<...> этот принцип *a fortiori* [тем более] применяется к устному, очному общению с адвокатом. Из этого следует, что *в принципе устное общение, а также переписка между адвокатом и его клиентом являются привилегированными в соответствии со статьей 8 Конвенции*».

Право на конфиденциальное общение с адвокатом не является абсолютным, и любой вывод, связанный с этим правом, должен быть обоснован в соответствии с требованиями абзаца второго статьи 8 Конвенции. В деле заявителя Суд установил, что оспариваемое ограничение не удовлетворяет критерию «о соответствии закону». Он отметил, что национальный суд ввел это ограничение в ответ на попытку адвоката направить заявителю материалы для чтения, которые не были связаны с

правом защиты. Однако перехват корреспонденции исключительно потому, что он не связан с правом на защиту, не был предусмотрен в законе, на который ссылается национальный суд в качестве основания для ограничения конфиденциальности консультаций с адвокатом. Суд установил, что способ толкования и применения соответствующего закона к обстоятельствам дела заявителя был явно необоснованным и, следовательно, не предсказуемым по смыслу пункта 2 статьи 8 Конвенции (§57).

Следует также отметить, что мнение Суда о характере отношений между адвокатом и клиентом сильно повлияло на его оценку того, *может ли заявитель ссылаться на гражданскую часть статьи 6 Конвенции* для подачи жалобы на справедливость судебного разбирательства, которое он возбудил для оспаривания ограничения. Правительство утверждало, что ограничение на консультацию с его адвокатом является превентивной мерой, введенной в интересах поддержания порядка и безопасности в тюрьме, и поэтому носит публично-правовой характер. Суд не согласился с этим (§ 68):

«Прежде всего, суд считает целесообразным сослаться на свои выводы в соответствии со статьей 8 Конвенции, а именно на то, что конфиденциальность между адвокатом и клиентом является привилегированной и что устное общение с адвокатом подпадает под понятие «частная жизнь». Таким образом, *содержание рассматриваемого права, которое касается способности заявителя беседовать наедине со своим адвокатом, носит преимущественно личный и индивидуальный характер, что приближает настоящий спор к гражданской сфере*. Поскольку ограничение способности любой из сторон полностью конфиденциально совещаться друг с другом во многом лишило бы их возможности пользоваться этим правом, Суд приходит к выводу, что *частноправовые аспекты спора преобладают над публично-правовыми*».

Заключение Суда о применимости гражданской части статьи 6 Конвенции в деле заявителя можно рассматривать как дополнение к уже существующей судебной практике, в которой Суд высказывался в отношении разбирательств, возбужденных в рамках тюремного заключения, что *некоторые ограничения прав заключенных подпадают под сферу «гражданских прав»* (см. *De Tommaso v. Italy [GC]*, no. 43395/09, § 147, 23 февраля 2017 г., *Enea v. Italy [GC]*, no. 74912/01, § 119, ECHR 2009; *Ganci v. Italy*, no. 41576/98, § § 20 26, ЕСПЧ 2003 XI)

Аргументация Суда по существу жалобы по статье 6 Конвенции содержит интересный обзор судебной практики о праве на устное слушание в контексте гражданского судопроизводства (см. §§ 74–77). *В деле заявителя он установил, что не было никаких исключительных обстоятельств, которые оправдывали бы отказ от устного слушания в оспариваемом разбирательстве* (§§ 80–81).

Право на уважение психологической неприкосновенности (как один из аспектов права лица на уважение частной жизни)

Hadzhieva против Болгарии (№ 45285/12). Постановление от 1 февраля 2018 года. Оставление несовершеннолетнего лица без попечения со стороны взрослых вследствие ареста и заключения под стражу его родителей.

Заявительнице было 14 лет на момент событий, послуживших основанием для подачи жалобы в Суд. 4 декабря 2002 года она находилась дома одна, когда сотрудники полиции прибыли для ареста ее родителей с целью выполнения запроса об экстрадиции, выданного в отношении них Туркменистаном. По возвращении родителей домой они были арестованы и заключены под стражу. *Заявительница осталась в квартире одна.* Она воссоединилась со своими родителями 17 декабря 2002 года после их освобождения под залог. Заявительница не смогла удовлетворить свое требование о компенсации за причиненные стресс и страдания, которые она перенесла в связи с предполагаемой неспособностью властей организовать поддержку и уход за ней во время содержания ее родителей под стражей. Апелляционный суд установил, что, даже если заявительница была оставлена в одиночестве после ареста родителей, ответственность за это не могла быть возложена на полицию, прокуратуру или суд, учитывая, что ее мать заявила на судебном заседании 6 декабря 2002 года, через два дня после ее ареста, что о ней кто-то позаботится.

В ходе разбирательства в Суде заявительница утверждала, что обстоятельства дела свидетельствуют о нарушении статьи 8 Конвенции. Важнейший вопрос заключался в определении того, *выполнило ли государство-ответчик свои позитивные обязательства по этой статье для обеспечения защиты права заявительницы на уважение ее психологической неприкосновенности.*

Интересно, что Суд согласился с заявительницей, но только в отношении двухдневного периода между арестом ее родителей и судебным заседанием 6 декабря 2002 года, когда, *согласно протоколу, мать заявительницы подтвердила, что о ней заботились.* В отношении оставшегося периода Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения статьи 8 Конвенции.

Что касается двухдневного периода, то Суд отметил, что в соответствии с национальным законодательством власти обязаны либо предоставить родителям заявительницы возможность обеспечить уход за ней в момент их взятия под стражу, *либо по собственной инициативе выяснить положение заявительницы.* После того, как властями будет установлено, что несовершеннолетнему лицу требуется уход в отсутствие родителей, они обязаны оказывать такому лицу помощь, поддержку и услуги по мере

необходимости либо в его собственном доме, либо в приемной семье или в специализированном учреждении. *Власти не выполнили своего позитивного обязательства по статье 8 Конвенции принять меры для обеспечения того, чтобы заявительница, являющаяся несовершеннолетней, оставшаяся без попечения родителей, была защищена и обеспечена уходом в отсутствие родителей.*

Что касается периода между датой судебного заседания и освобождением ее родителей, Суд отметил, среди прочего, что, помимо того, что в протоколе было зафиксировано, что кто-то осуществляет уход за несовершеннолетней, *мать заявительницы ни в какой момент времени – ни до, ни после этого судебного заседания, во время ее ареста или после освобождения из под стражи – не обращалась в какой-либо из уполномоченных органов с вопросом об уходе за ее дочерью во время ее содержания под стражей. Отец заявительницы, который был арестован одновременно с матерью, также не сообщал властям о том, что его дочь осталась одна или что у него есть какие-либо опасения по поводу ухода за ней в время его отсутствия.* Интересно, что Суд принял во внимание тот факт, что родители заявителя имели профессиональное образование и на протяжении всего периода представляли свои интересы в соответствии с законом. В этих обстоятельствах Суд счел, что у уполномоченных органов после судебного заседания 6 декабря 2002 года не было оснований предполагать, что заявительница была оставлена одна и не была обеспечена уходом в отсутствие ее родителей. В этой связи тот факт, что власти не действовали по собственной инициативе для обеспечения того, чтобы благосостояние заявительницы не подвергалось риску, не является нарушением их позитивных обязательств по статье 8 Конвенции.

Это дело интересно с учетом новизны контекста, в котором возник спор, а также благодаря проведенному Судом анализу объема обязательства государства по статье 8 Конвенции.

Право на уважение семейной жизни

Strand Lobben и другие против Норвегии (№ 37283/13). Постановление от 10 сентября 2019 года. Упущения властей в процессе принятия решения об усыновлении уязвимого ребенка¹².

Заявителями являются мать и сын. Через четыре дня после рождения сына оба переехали в детско-родительское учреждение. Через три недели мать отозвала свое согласие на пребывание в этом учреждении, и в связи с

---

¹² Текст приведенного постановления размещен на сайте Верховного Суда Российской Федерации в разделе «Ведомственный контур» (папка «Международное право»), доступном для нижестоящих судов, а также опубликован в журнале «Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск» № 8 (32), 2019.

серьезными опасениями учреждения в отношении ее способности обеспечить базовый уход за своим сыном, ребенок был передан под опеку в семью в качестве чрезвычайной меры. В своих решениях об установлении опеки национальные суды ограничили доступ матери к ее сыну шестью двухчасовыми посещениями каждый год, а затем сократили их до четырех двухчасовых посещений. Примерно через три года, вопреки ее желанию, мать была лишена родительских прав, и приемные родители получили право усыновить его. Национальные суды пришли к выводу, что существуют особенно веские причины для согласия на усыновление. Хотя общее положение матери улучшилось (она вышла замуж и родила дочь, о которой, по-видимому, могла заботиться), она не сможет в достаточной мере понять особые потребности в уходе за своим сыном, которого некоторые эксперты описывали как уязвимого (ранимого) ребенка, нуждающегося в полном покое, безопасности и поддержке, а усыновление даст сыну, привязанному к своим приемным родителям, чувство безопасности.

Палата установила, что никакого нарушения статьи 8 Конвенции не было. Поскольку никаких позитивных сдвигов в ходе установленных встреч не произошло и поскольку процесс принятия решений был справедливым, Палата пришла к выводу, что исключительные обстоятельства оправдывают соответствующие меры, поскольку они были продиктованы главным требованием об обеспечении наилучших интересов ребенка.

Большая Палата не согласилась с Палатой и пришла к выводу, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

Постановление Большой Палаты примечательно тем, каким образом принципы, разработанные в делах *Olsson v. Sweden (no. 1)*, *Johansen v. Norway*, *K. and T. v. Finland [GC]*, были применены к настоящему делу, и в частности *принципы, касающиеся позитивного обязательства принимать меры по содействию воссоединению семьи как можно скорее, что является разумно осуществимым обязательством, которое необходимо осуществить властям с самого начала периода ухода, при условии, что оно всегда уравновешивается обязанностью учитывать наилучшие интересы ребенка.*

Главный вопрос для Большой Палаты заключался в том, *был ли процесс принятия решений, ведущий к лишению родительских прав и усыновлению, проведен таким образом, чтобы обеспечить учет всех мнений и интересов заявителей и сопровождался ли он гарантиями, соизмеримыми с серьезностью вмешательства и серьезностью затрагиваемых интересов.* Большая Палата выявила ряд недостатков в данном деле.

Во-первых, было отмечено, что национальные власти не установили подлинный баланс между интересами ребенка и интересами его биологической семьи, а скорее сосредоточивали свое внимание на интересах ребенка, *не рассматривая всерьез никакой возможности воссоединения ребенка с его биологической семьей.* Было отмечено, что, например, проведение установленных встреч было задумано как средство знакомства

ребенка с его корнями, а не как способствование его будущему возвращению на попечение биологической матери. Было установлено, что порядок проведения этих встреч не был особенно благоприятным для того, чтобы позволить заявителям свободно общаться друг с другом, и, хотя встречи часто не давали хороших результатов, мало что было сделано для изучения альтернативных механизмов.

Во-вторых, было сочтено, что оценка навыков матери по уходу – фактора, имеющего центральное значение для национальных судов, – была по ряду причин ошибочной. Соответствующие экспертные заключения, заказанные на более ранних стадиях разбирательства, были составлены два года назад, когда было принято оспариваемое решение. Только один из этих отчетов был фактически основан на наблюдениях за взаимодействием между заявителями, и то лишь в двух случаях. *Лишь ограниченные доказательства могут быть получены из редких встреч, имевших место между заявителями во время передачи ребенка в приемную семью.* Кроме того, власти не учли потенциального значения новой семейной ситуации матери (ее замужества и рождения второго ребенка). *Отсутствие новой экспертизы в этих обстоятельствах существенно ограничило фактическую оценку ее навыков ухода в настоящее время.*

В-третьих, доводы национальных судов в отношении особых потребностей и уязвимости ребенка были недостаточными с учетом серьезности затрагиваемых интересов. В частности, не было объяснено, каким образом уязвимость сына могла сохраниться, несмотря на то, что он жил в приемной семье с трехнедельного возраста. Кроме того, почти не было проведено никакого анализа природы его уязвимости, кроме краткого описания экспертами того, что он легко поддается стрессу и нуждается в тишине, безопасности и поддержке.

Право на уважение жилища

F.J.M. против Великобритании (№ 76202/16). Решение от 29 ноября 2018 года. Правоотношения между частным и государственным арендодателем и арендатором. Применение критерия соразмерности.

Заявительница страдала психическими расстройствами. Ее родители купили дом с помощью ипотечного кредита, заложив дом в качестве обеспечительного имущества. Заявительница жила там, уплачивая арендную плату своим родителям. Через некоторое время родители заявительницы (залогодатели) объявили о своей несостоятельности по оплате ипотечных платежей. Залогодержатель потребовал ордер на владение [в Великобритании это право на выселение арендатора, которое предоставляется арендодателю судом], предоставление которого привело бы к прекращению аренды заявительницы. Заявительница безуспешно

сопротивлялась предоставлению такого ордера в ходе разбирательства в национальных судах.

В ходе разбирательства в Суде она жаловалась в соответствии со статьей 8 Конвенции на то, что ордер на владение является несоразмерной мерой и что она не смогла добиться определения принципа соразмерности судом. Суд признал ее жалобу явно необоснованной и неприемлемой.

В данном решении Суд подтвердил свой подход, сформулированный в деле *Vrzić v. Croatia*, no. 43777/13, 12 июля 2016 г. В этом деле Суд впервые прямо признал, что принцип, согласно которому любое лицо, которому угрожает утрата дома, должно иметь возможность пользоваться принципом соразмерности меры, определенной независимым судом, не применяется автоматически в тех случаях, когда владение имуществом испрашивается физическим лицом или частной организацией. Напротив, защита конвенционных прав соответствующих физических лиц или частных организаций и обеспечение баланса между их интересами могут быть закреплены на уровне национального законодательства.

Заключение по делу *Vrzić v. Croatia* противоречило подходу, разработанному Судом в ответ на жалобы по статье 8 Конвенции, подаваемые арендаторами государственной или общественной собственности, сталкивающимися с угрозой выселения (*Panyushkin v. Russia*, no. 47056/11, 21 ноября 2017 г.; *Pinnock and Walker v. the United Kingdom (dec.)*, no. 31673/11, 24 декабря 2013 г.; *Kay and Others v. the United Kingdom*, no. 37341/06, 21 сентября 2010 г.; *Paulić v. Croatia*, no. 3572/06, 22 октября 2009 г.; *McCann v. the United Kingdom*, no. 19009/04, ECHR 2008; *Connors v. the United Kingdom*, no. 66746/01, 27 мая 2004 г.).

В отношении «публичных арендодателей» Суд установил, что заявители-арендаторы, даже если их право на занятие жилья было прекращено, должны иметь возможность получить постановление национального суда о том, является ли их выселение, учитывая их индивидуальные обстоятельства, соразмерным ответом на имеющуюся социальную потребность, на которую ссылаются власти.

Интересно, что Суд по данному делу, опираясь и развивая доводы, указанные в деле *Vrzić v. Croatia*, обосновал различие в подходах следующим образом (§ 42):

«Как отметил Суд в деле *Vrzić v. Croatia*, в таких случаях речь идет о других частных интересах, которые должны быть сопоставлены с интересами заявителя. Однако на самом деле различие гораздо глубже. <...> во многих случаях национальные суды призваны обеспечивать справедливый баланс между конвенционными правами двух лиц. Претензии владельцев частного сектора на владение жилыми помещениями отдельно друг от друга связаны с тем, что эти два частных лица или организации добровольно вступили в договорные отношения, в которых законодатель предписал, каким образом должны соблюдаться их соответствующие права по

Конвенции <...>. Если бы национальные суды могли отменить баланс, установленный законодательством в таком случае, Конвенция была бы непосредственно применима в отношениях между гражданами, с тем чтобы изменить договорные права и обязательства, которые они свободно заключили».

Суд отметил, что дело заявительницы следует рассматривать на базе национального законодательства, которое устанавливает, каким образом должны соблюдаться конвенционные права заинтересованных сторон, и отражает оценку государством того, как должен быть достигнут баланс между правами жильцов по статье 8 Конвенции (таких, как заявительница) и правами частных домовладельцев по статье 1 Протокола № 1 Конвенции (фактически, залогодержатель в данном случае, учитывая, что родители заявителя заложили дом в качестве обеспечения ипотечного кредита).

Рассмотрев подход национальных судов к вопросам, поднятым в деле заявительницы, Суд отметил, что при установлении такого баланса власти учитывали, в частности, общие публичные интересы в активизации частного арендуемого жилого сектора, что, по мнению национальных судов в деле заявительницы, было наилучшим образом достигнуто посредством договорной определенности и последовательности в применении соответствующего законодательства.

Следует также отметить, что заявительница согласилась с условиями аренды и применимое законодательство четко определило характер этих условий и обстоятельства, при которых аренда может быть прекращена. Суд добавил, в соответствии с мнениями национальных судов, что *если частный арендатор будет иметь возможность потребовать от суда провести оценку соразмерности до вынесения решения о выдаче ордера на владение, то последствия этого для частного арендного сектора будут совершенно непредсказуемыми и потенциально разрушительными*. И наконец, Суд придал важное значение тому факту, что национальным законодательством предусмотрены исключения для особых обстоятельств, которые позволяют судам отсрочить исполнение выдачи ордера на владение на определенный период времени.

В целом, *решение Суда отражает специфические особенности рынка частной аренды и, как следствие, меньший уровень защиты по статье 8 Конвенции, предоставляемый частным арендаторам с точки зрения процессуальных гарантий и интенсивности судебного надзора*.

Право на уважение частной и семейной жизни, жилища (кумулятивный эффект)

Fédération nationale des associations u des syndicats sportifs (FNASS) u другие против Франции (№№ 48151/11 и 77769/13). Постановление от 18 января 2018 года. Влияние антидопинговых мер на права спортсменов¹³.

Заявления в Суд подали ряд представительных спортивных объединений, ведущие спортсмены. Заявители оспаривали влияние национальных «мер по установлению местонахождения» на их право на уважение частной и семейной жизни и жилища (а также на их право на свободу передвижения). Заявители подвергли критике навязчивый характер мер, введенных в отношении лиц, отобранных для формирования ежегодного пула тестирования на допинг-контроль, а именно обязательство предоставлять подробную, точную и постоянно обновляемую информацию на предстоящий трехмесячный период об их ежедневном местонахождении, в том числе в период, когда они не участвовали в соревнованиях или тренировках или находились в местах, не связанных с их спортивной деятельностью. Особую озабоченность у них вызывает сопутствующее требование указывать для каждого дня недели одночасовой интервал между 6 часами утра и 9 часами вечера, когда они будут доступны для внеплановых допинг тестирований в указанном месте. Они подчеркнули негативные последствия, которые этот режим имеет для планирования их повседневной и семейной жизни, а также для их пользования своим домом, учитывая то, что там могут проводиться тесты на наркотики.

Заявления были объявлены Судом неприемлемыми как в отношении спортивных объединений, так и в отношении большого числа индивидуальных заявителей за неспособность продемонстрировать, что они подвергались прямому и индивидуальному воздействию оспариваемых ограничений (§ 91–103).

Данное дело является первым случаем, когда Суд подробно рассмотрел применение норм Конвенции в области спорта. Суд исследовал вопросы, поднятые в этом деле, с точки зрения международных и европейских правовых стандартов, воплощенных в таких документах, как Международная конвенция ЮНЕСКО о борьбе с допингом в спорте, Всемирный антидопинговый кодекс (версия 2009 года) и антидопинговая Конвенция Совета Европы (см. §§ 39–56).

Интересно, что Всемирное антидопинговое агентство, которое подготовило Всемирный антидопинговый кодекс, участвовало в процессе в качестве третьей стороны, что является показателем их важности в решении

---

¹³ Текст приведенного постановления размещен на сайте Верховного Суда Российской Федерации в разделе «Ведомственный контур» (папка «Международное право»), доступном для нижестоящих судов, а также опубликован в журнале «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека» № 6 (147), 2018.

этого вопроса. Также интересен тот факт, что Францией был разработан специфический подход при принятии регулирования требований о местонахождении, сформированный на основе рекомендаций, содержащихся во Всемирном антидопинговом кодексе, являющегося обязательным для государств-участников Конвенцией ЮНЕСКО. Данная Конвенция была ратифицирована Францией. Этот вопрос имел большое значение для Суда при рассмотрении вопроса о том, превысила ли Франция свободу усмотрения при установлении баланса конкурирующих интересов в этой области.

Суд признал, что *требование о местонахождении затрагивает ценности частной, семейной жизни и жилища, охраняемые статьей 8 Конвенции (§§ 155–159)*. В числе других соображений он отметил, что *обязательство присутствовать в определенном месте каждый день недели в течение определенного одночасового периода влияет на качество личной жизни заявителей, а также влечет за собой последствия для их семейной жизни*. В дополнение к ограничению их личной автономии в отношении планирования их повседневной частной и семейной жизни Суд далее отметил, что это требование может привести к ситуации, в которой у заявителей не будет иного выбора, кроме как выбрать свой домашний адрес в качестве назначенного места для тестирования на допинг, что будет иметь последствия для их права на уважение жилища (§§ 155–159).

Суд признал, что оспариваемая мера соответствует закону. Что касается правомерности преследуемой цели, то она удовлетворяется тем, что *требование о местонахождении было введено в целях защиты здоровья профессиональных спортсменов и, помимо этой группы, здоровья других лиц, особенно молодых людей, занимающихся спортом (§ 165)*. Кроме того, он согласился с тем, что это требование связано с *поощрением честной игры* путем отказа от использования веществ, которые дают несправедливое преимущество лицу, принимающему эти вещества, а также любых опасных последствий, которые могут наблюдаться при их использовании, особенно молодыми спортсменами-любителями и женщинами, для повышения производительности на спортивной площадке. Важно обратить внимание на то, что, по мнению Суда, *зрители должны иметь возможность ожидать, что спортивные мероприятия, которые они посещают, разделяют ценности честной игры*. По этим причинам Суд счел, что ограничения местонахождения может быть оправдано с точки зрения защиты прав и свобод других лиц (§ 166). Анализ Судом вопроса о правомерности интересен с точки зрения его готовности опираться на цели и задачи, лежащие в основе международных документов в этой области.

Переходя к вопросу о *необходимости*, Суд подчеркнул два основополагающих соображения при оценке существования острой социальной необходимости оспариваемых мер.

Во-первых, научные и другие экспертные исследования, свидетельствующие о вредном воздействии допинга на здоровье профессиональных спортсменов, а также об опасности его применения за пределами этого круга, особенно среди молодежи, занимающейся спортом. В

этом последнем пункте, который является вопросом общественного здравоохранения, Суд в соответствии с международными материалами, упомянутыми выше, признал, что *от профессиональных спортсменов следует ожидать, что они будут служить образцами для подражания, учитывая их влияние на молодых людей, стремящихся добиться успеха на спортивной арене* (§§ 171–177).

Во-вторых, прослеживая историю регулирования в этой области, Суд отметил, что *на европейском и международном уровнях существует консенсус относительно необходимости принятия государствами мер по борьбе с допингом в спорте*. С учетом сложных научных, правовых и этических вопросов в этой области, государствам должна предоставляться широкая свобода усмотрения в соответствии с Конвенцией при принятии решений о том, как реагировать на национальном уровне. На ее основе может быть сформирован консенсус на международном уровне относительно типа антидопинговой стратегии. Франция, со своей стороны, как и другие государства-члены, ратифицировавшие Конвенцию ЮНЕСКО, внедрила в свое национальное законодательство положения Кодекса (версия 2009 года), разработанного Всемирным антидопинговым агентством. Таким образом, *действия Франции согласуются с международным консенсусом о необходимости борьбы с допингом с помощью специальных мер и внеплановых допинг-тестов*.

Что касается установления справедливого баланса между правами заявителей по статье 8 Конвенции и императивами, на которые ссылается государство-ответчик (защита здоровья, прав и свобод других лиц), то Суд придал большое значение следующим соображениям (§§ 185–186):

включение в испытательный пул в принципе ограничено одним годом; лица, отобранные для включения, должны указать, где они могут находиться, в том числе у себя дома, если это был их выбор, а также часовой интервал, когда они будут доступны для тестирования;

осуществление меры по установлению местонахождения сопровождается процессуальными гарантиями, позволяющими лицам оспаривать в судах как их выбор, так и любые санкции, наложенные на них за несоблюдение этой меры.

По мнению Суда был достигнут справедливый баланс прав, следовательно, нарушения статьи 8 Конвенции не было.

Статья 10 Конвенции (свобода выражения мнений)

Magyar Jeti Zrt против Венгрии (№ 11257/16). Постановление от 4 декабря 2018 года. «Обязанность и ответственность» средства массовой информации при размещении гиперссылки на материал, впоследствии признанный клеветническим.

Компания-заявитель управляла новостным интернет-порталом и опубликовала статью о якобы произошедшем инциденте против цыган,

произошедшим за пределами школы. Он также разместил без дальнейших комментариев гиперссылку на интервью в сети «Интернет» на сайте YouTube, данного одному из средств массовой информации представителем цыган, в котором он высказывается по поводу этого инцидента. Позже было установлено, что это интервью было направлено на дискредитацию политической партии, названной в интервью. Национальные суды постановили, что заявитель, разместив гиперссылку, распространил интервью и, следовательно, несет ответственность в соответствии со статьей 78 Гражданского кодекса за распространение интервью клеветнического содержания вместе с иными лицами, независимо от того, действовал ли он добросовестно и в соответствии с этикой журналиста.

В ходе разбирательства в Суде заявитель жаловался на нарушение его права на свободу выражения мнений. Суд вынес решение в пользу заявителя.

Данное постановление заслуживает внимания ввиду того, что это первый случай, когда Суд рассматривал в соответствии со статьей 10 Конвенции публикацию гиперссылки, направляющей читателя на материал, который впоследствии был признан национальными судами причиняющим ущерб репутации третьей стороны. Суд установил существенные различия между гиперссылками и традиционными публикациями:

«73. <...> принимая во внимание роль интернета в расширении доступа общественности к новостям и информации, Суд отмечает, что сама цель гиперссылок заключается в том, чтобы, направляя их на другие страницы и веб-ресурсы, позволить пользователям интернета перейти к материалам в сети, характеризующейся наличием огромного объема информации. Гиперссылки способствуют бесперебойной работе Интернета, обеспечивая доступ к информации путем ее увязки друг с другом.

74. Гиперссылки как метод отчетности существенно отличаются от традиционных публикаций тем, что, как правило, они просто направляют пользователей на контент, доступный в других местах в Интернете. Они не освещают перед аудиторией связанные заявления и не сообщают их содержание, но только служат тому, чтобы привлечь внимание читателей к существованию материала на другом веб-сайте.

75. Еще одной отличительной особенностью гиперссылок по сравнению с актами распространения информации является то, что лицо, ссылающееся на информацию через гиперссылку, не осуществляет контроля над содержанием веб-сайта, к которому гиперссылка обеспечивает доступ и которое может быть изменено после создания ссылки. Кроме того, предположительно незаконный контент уже был размещен первоначальным издателем на веб-сайте, на который ведут гиперссылки, обеспечивая неограниченный доступ общественности <...>».

Важно отметить, что, по мнению Суда, вопрос о том, является ли размещение гиперссылки распространением клеветнической информации, требует от национальных судов проведения индивидуальной оценки в каждом случае и представления соответствующих и достаточных оснований для привлечения к ответственности лица, опубликовавшего гиперссылку. Суд отметил ряд соответствующих вопросов в этой связи, которые не были рассмотрены национальными судами при возложении ответственности на компанию-заявителя:

- (i) одобряла ли компания-заявитель оспариваемое содержание;
- (ii) повторила ли она оспариваемое содержание (без его одобрения);
- (iii) возможно ли, что компания-заявитель просто разместила ссылку на оспариваемое содержание (без одобрения или повторения);
- (iv) знал ли заявитель или обоснованно мог знать, что оспариваемое содержание было клеветническим или незаконным по другим основаниям;
- (v) действовал ли заявитель добросовестно и уважал ли этику журналиста, а также соблюдал ли он требования должной осмотрительности? (§ 77).

По фактам дела заявителя Суд, среди прочего, отметил, что рассматриваемая публикация не ссылается на гиперссылочный материал таким образом, чтобы повторять клеветнические заявления. В статье не упоминается политическая партия, возбудившая дело о диффамации. Кроме того, заявитель не подразумевал, что утверждения, к которым можно получить доступ по гиперссылке, являются истинными или что он их поддерживает. Суд также придал важное значение тому факту, что до возбуждения дела о диффамации компания-заявитель не знала о том, что связанный контент может быть дискредитирующим, что потребовало бы от нее запрета доступа к контенту.

Национальные суды, основываясь на статье 78 Гражданского кодекса, пришли к выводу, что акт гиперссылки равнозначен распространению информации. Только по этой причине заявитель был привлечен к ответственности в соответствии с национальным законодательством, что не оставляло судам возможности сбалансировать право политической партии на репутацию и право компании-заявителя на свободу выражения мнений. Таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

Статья 13 Конвенции (право на эффективное средство правовой защиты)

См. вышеприведенное *Kurşun против Турции* (№ 22677/10). Постановление от 30 октября 2018 года. **Уничтожение имущества заявителя в результате взрыва на нефтеперерабатывающем заводе – сфера позитивных и процессуальных обязательств государства (статьи 6, 13 Конвенции и статья 1 Протокола № 1 к Конвенции).**

См. также вышеприведенное *Ulemek против Хорватии* (№. 21613/16). Постановление от 31 октября 2019 года. **Взаимосвязь между превентивными и компенсационными средствами правовой защиты в отношении условий содержания под стражей, которые нарушают статью 3 Конвенции (статьи 3 и 13 Конвенции).**

Статья 14 Конвенции (запрещение дискриминации)

Molla Sali против Греции (№ 20452/14). Постановление от 19 декабря 2018 года. **Применение законов шариата в сфере наследования имущества и дискриминация ввиду принадлежности к религиозному меньшинству (статья 14 Конвенции в сочетании со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции)¹⁴.**

Муж заявительницы был членом мусульманской общины во Фракии. После его смерти заявительница унаследовала все его имущество по нотариально заверенному завещанию, составленному в соответствии с Гражданским кодексом. Суд первой инстанции утвердил завещание, заявительница приняла и зарегистрировала унаследованное имущество. Две сестры покойного оспорили завещание и потерпели неудачу в судах первой и второй инстанции. Затем Кассационный суд постановил, что в соответствии с Афинским договором 1913 года вопросы наследования среди мусульманского меньшинства должны решаться в соответствии с законами шариата, согласно которым нотариально заверенные завещания, составленные греческими гражданами мусульманской веры, не имеют юридической силы (законы шариата признают только наследование без завещания и исламские завещания). В результате заявительница потеряла три четверти имущества, завещанного ей мужем. Она подала жалобу в Суд

---

¹⁴ Текст приведенного постановления размещен на сайте Верховного Суда Российской Федерации в разделе «Ведомственный контур» (папка «Международное право»), доступном для нижестоящих судов, а также опубликован в журнале «Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск» № 3 (26), 2019.

ссылаясь на статьи 6, 14 Конвенции и статью 1 Протокола № 1 к Конвенции, дело было передано Большой Палате.

Большая Палата рассмотрела жалобу в соответствии со статьей 14 Конвенции в сочетании со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, при этом основное внимание в деле было уделено отказу в применении Гражданского кодекса с учетом мусульманской веры завещателя. Большая Палата нашла нарушение указанных положений Конвенции.

В январе 2018 года были отменены положения, предусматривающие обращение к законам шариата для урегулирования семейно-правовых дел в рамках мусульманского меньшинства, однако это не относится к ситуации данного заявителя.

Впервые Суд рассмотрел жалобу относительно *применения национальным судом законов шариата против воли заявителя*. Он сделал это через призму статьи 14 Конвенции, в которой основное внимание уделяется различиям в обращении между бенефициарами завещания, составленного в соответствии с Гражданским кодексом мусульманским завещателем, с одной стороны, и немусульманским завещателем, с другой стороны. Хотя Суд признал, что Греция, возможно, хотела бы выполнить свои международные обязательства и поддержать положение фракийского меньшинства, причины оспариваемого различия в обращении, вытекающие, в частности, из международных обязательств, не были сочтены убедительными. Суд пришел к выводу об отсутствии объективных и разумных оснований оспариваемого различия в обращении. Стоит отметить ряд моментов.

1. Это дело также является первым рассмотрением Большой Палатой *дискриминации по признаку принадлежности к религиозному меньшинству*. Поскольку основное внимание в деле было уделено различиям в обращении с учетом мусульманской веры завещателя (в отличие от заявителя), Большая Палата подтвердила следующее:

«В данном контексте Суд повторяет, что слова «другой статус», как правило, имеют широкое значение в его судебной практике <...> и их толкование не ограничивается характеристиками, которые являются личными в том смысле, что они являются врожденными или присущими <...>. Например, проблема дискриминации возникает в тех случаях, когда статус заявителей, который служит предполагаемым основанием для дискриминационного обращения, определяется в связи с их семейным положением, таким как место жительства их детей (см. *Efe v. Austria*, no. 9134/06, § 48, 8 января 2013 г.). Таким образом, с учетом своей цели и характера прав, которые он стремится защитить, из этого следует, что *статья 14 Конвенции также охватывает случаи, когда с отдельным лицом обращаются менее благоприятно на основании статуса другого лица или охраняемых объектов* (см. *Guberina v. Croatia*, no. 23682/13, § 78, 22 March 2016 and *Škorjanec v. Croatia*, no. 25536/14, §

55, 28 March 2017 and also *Weller v. Hungary*, no. 44399/05, § 37, 31 March 2009)».

2. Кроме того, это дело предоставило Суду редкую возможность укрепить некоторые принципы, регулирующие защиту меньшинств. Суд пришел к выводу, что *нельзя предполагать, что завещатель мусульманской веры, составив завещание в соответствии с Гражданским кодексом, автоматически отказался от своего права или права своих наследников не подвергаться дискриминации по признаку своей религии*. Государство не может взять на себя роль гаранта самобытности меньшинства конкретной группы населения *в ущерб праву членов этой группы на выбор не принадлежать к ней или не следовать ее практике и правилам*:

«Отказ членам религиозного меньшинства в праве на добровольный выбор и пользование нормами национального права равнозначен не только дискриминационному обращению, но и нарушению права, имеющего кардинальное значение в области защиты меньшинств, то есть права на свободу самоидентификации. Негативный аспект этого права, а именно право не считаться членом меньшинства, не ограничивается таким же образом, как и позитивный аспект этого права <...>. Выбор, о котором идет речь, полностью свободен, при условии, что он информирован. Его должны уважать как другие члены меньшинства, так и само государство. Это подтверждается пунктом 1 статьи 3 Рамочной конвенции Совета Европы «О защите национальных меньшинств», который предусматривает, что «этот выбор или осуществление прав, связанных с этим выбором, не должны приводить к каким-либо неблагоприятным последствиям». Право на свободную самоидентификацию не является правом, конкретно закрепленным в Рамочной конвенции. Он является «краеугольным камнем» международного права в области защиты меньшинств в целом. Это особенно касается негативного аспекта права: ни один двусторонний или многосторонний договор или другой документ не требует от кого-либо подчиняться специальному режиму защиты меньшинств против его или ее желания».

3. Заслуживает внимания ряд других элементов аргументации Суда. Хотя Суд признал, что государство обязалось уважать обычаи мусульманского меньшинства при ратификации Севрского и Лозаннского договоров, он не считал, что *эти договоры обязывают Грецию применять законы шариата, и, действительно, правительство и заявитель согласились с этим*.

Кроме того, национальные суды разошлись во мнениях относительно того, совместимо ли применение законов шариата с принципом равенства и международными стандартами в области прав человека. Эти расхождения достаточно серьезны (между судами одной и той же судебной системы, между Кассационным судом и судами по гражданским делам, между Кассационным судом и Высшим административным судом), а *правовая неопределенность, создаваемая такими расхождениями, несовместима с*

принципом верховенства права. Кроме того, ряд международных органов выразили озабоченность по поводу применения законов шариата к греческим мусульманам в Западной Фракии и связанной с этим дискриминацией, в частности в отношении женщин и детей, не только в рамках этого меньшинства по сравнению с мужчинами, но и в отношении немусульман (в частности, Комиссар Совета Европы по правам человека).

4. Наконец, весьма показателен и сравнительный подход. За пределами сферы международного частного права (и возможностей применения шариата в качестве источника иностранного права в случае коллизии законов с учетом требований государственной политики) только Франция официально применила некоторые положения законов шариата, и это относится к гражданам одной из ее заморских территорий (Майотта), и это ограниченное применение законов шариата закончилось в 2011 году. В Соединенном Королевстве применение законов шариата шариатскими советами допускается лишь постольку, *поскольку обращение к ним остается добровольным.* Таким образом, Греция была единственной страной в Европе, которая применяла законы шариата к части своих граждан *против их желания*¹⁵.

J.D. и A. против Великобритании (№№ 32949/17 и 34614/17). Постановление от 24 октября 2019 года. Оценка обоснования той или иной меры социально-экономической политики («очень веские причины») или причины «явно не имеющие разумного основания») (статья 14 Конвенции в сочетании со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции).

Оба заявителя были арендаторами социального жилья. После внесения изменений в законодательство в 2012 году жилищное пособие, с помощью которого они ранее имели право субсидировать свои арендные расходы, было сокращено, поскольку измененное положение классифицировало двух заявителей как имеющих дополнительную жилую площадь (спальню). *Цель этого изменения состояла в том, чтобы сэкономить государственные средства,* стимулируя тех, у кого есть «лишняя» жилая площадь в социальном жилье, переезжать в менее крупные дома.

Они жаловались главным образом в соответствии со статьей 14 Конвенции в сочетании со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции на то, что

---

¹⁵ См. также: проект резолюции Комитета по правовым вопросам и правам человека, принятый 13 декабря 2018 года, «Совместимость законов шариата с Европейской конвенцией о правах человека: могут ли государства-участники Конвенции подписывать «Каирскую декларацию»?

Резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы № 2253 (2019) Шариат, Каирская декларация и Европейская конвенция о правах человека (док. 14787 и дополнение). Режим доступа: <https://rm.coe.int/adoptedtexts-jan-19-ru/168093411e> (на русском языке). Стр. 24–27.

эти изменения ставят их в более уязвимое положение, чем других пострадавших от сокращения, из-за их личных обстоятельств, которые свидетельствовали о том, что у них была особая необходимость оставаться в своих домах: первая заявительница постоянно ухаживала за своим ребенком-инвалидом, а вторая – была размещена по «программе предоставления убежища» для защиты тех, кто испытывал и оставался под угрозой серьезного домашнего насилия.

Палата не нашла никаких нарушений в отношении первой заявительницы: хотя ее переезд был бы деструктивным и нежелательным, эффект этой меры соразмерен в ее случае, поскольку она могла бы переехать в меньшее, надлежащим образом приспособленное жилье, учитывая наличие жилищного пособия.

Вместе с тем Палата установила нарушение по жалобе второй заявительницы, поскольку цель сокращения жилищного пособия (стимулирование ее к переезду в меньший дом) противоречила цели «программы предоставления убежища» (дать ей возможность оставаться в своем доме для обеспечения собственной безопасности) и не было приведено никаких веских причин для обоснования приоритета одной законной цели над другой. Учитывая этот конфликт, наличие жилищного пособия не сделало бы эту меру соразмерной.

Это постановление заслуживает внимания в части данного Судом разъяснения критерия оценки, который должен применяться для обоснования той или иной меры социально-экономической политики в контексте статьи 14 Конвенции в сочетании со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

1. Этот вопрос был одним из ключевых при оценке действий национальных судов в рассмотренных делах:

– следовало изучать *наличие или отсутствие у этой меры разумного основания*, как того требует положения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (такая мера дает государству широкую свободу действий); или

– следовало изучить *наличие «веских причин» для принятия этой меры*, как того требуют положения статьи 14 Конвенции (такая мера дает меньшую свободу действий государству).

2. Суд напомнил, что, хотя в контексте общих мер экономической или социальной политики свобода усмотрения в принципе остается широкой, *эти меры*, тем не менее, *должны осуществляться таким образом, чтобы они не нарушали положения Конвенции о запрещении дискриминации и соответствовали требованию соразмерности*. Следовательно, *даже большой запас прочности в сфере экономической или социальной политики не будет оправдывать законы или практику, которые нарушают запрет на дискриминацию, и будут применяться следующие критерии*:

– в соответствии со статьей 14 Конвенции в сочетании со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, Суд подтвердил, что использование оценки меры с точки зрения ответа на вопрос «является ли она разумного

обоснованной?» возможно только в случаях, когда предполагаемая разница в обращении является промежуточной мерой, установленной в целях устранения исторического неравенства (см. *Stec and Others v. the United Kingdom [GC]*, §§ 61–66; *Runkee and White v. the United Kingdom*, §§ 40–41; and *British Gurkha Welfare Society and Others v. the United Kingdom*, § 81).

– за пределами указанного контекста и в тех случаях, когда предполагаемая дискриминация была обусловлена инвалидностью и полом, для обоснования оспариваемой меры в отношении заявителей потребуются подход с оценкой наличия «веских причин» для введения подобной меры. Суд пояснил, что с учетом необходимости предотвращения дискриминации в отношении инвалидов и содействия их всестороннему участию и интеграции в общество, прочность оценки государством мер по изменению правового режима для инвалидов значительно сократилась, и из-за особой уязвимости инвалидов такие изменения потребуют наличия «очень веских причин» для обоснования (*Guberina v. Croatia*, § 73). Кроме того, поскольку продвижение гендерного равенства является одной из главных целей в государствах-членах Совета Европы, необходимо будет представить «очень веские доводы», прежде чем различие в обращении по признаку пола можно будет считать совместимым с Конвенцией (*Konstantin Markin v. Russia [GC]*, § 127).

Следует отметить, что критерии оценки вводимых мер были представлены исходя из фактических обстоятельств рассматриваемых жалоб (предполагаемая дискриминация по признаку инвалидности и пола), хотя постановление Суда прямо не ограничивало применение этой оценки.

Статья 1 Протокола № 1 к Конвенции (защита собственности)

Könyv-Tár Kft и другие против Венгрии (№ 21623/13). Постановление от 16 октября 2018 года. Принятие правовых мер в системе закупок, приводящих к потере клиентов компаниями-заявителями.

Компании-заявители поставляли учебники в школы. Эта сфера, а именно – сфера распределения или снабжения, не регулируется государством и поэтому в ней хорошо развита конкуренция. Власти приняли решение передать обеспечение школ учебниками в ведение Государственного учреждения. Законодательные меры вступили в силу с начала учебного года в сентябре 2013 года и стали частью реформы организации государственной системы образования.

Заявители жаловались в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции на то, что новая монополия государства фактически запретила им доступ к рынку школьных принадлежностей, который являлся их исключительной или основной сферой деятельности, и им не была выплачена компенсация за их финансовые потери.

Судом было установлено нарушение этой статьи.

Постановление представляет интерес в нескольких аспектах.

Во-первых, Суд должен был решить вопрос о приемлемости, в частности о том, применима ли статья 1 Протокола № 1 к Конвенции к данному делу. Правительство заявило, что заявители могли лишь ожидать того, что они смогут продолжать действовать в рамках прежней нерегулируемой системы и бесконечно пользоваться преимуществами, которые им были предоставлены. Суд ответил на этот аргумент со ссылкой на свою судебную практику наличием обстоятельств, при которых *создание клиентской базы может рассматриваться как создание актива и, следовательно, «имущества» по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции*. Постановление содержит всесторонний обзор решений Суда в этой области (*Hatridis v. Greece [GC], no. 31107/96, § 54, ECHR 1999 II; Van Marle and Others v. the Netherlands, 26 июня 1986 г., § 41, Series A no. 101; Malik v. the United Kingdom, no. 23780/08, § 89, 13 марта 2012 г.; Döring v. Germany (dec.), no. 37595/97, ECHR 1999-VIII; Wendenburg and Others v. Germany (dec.), no. 71630/01, ECHR 2003-II; Buzescu v. Romania, no. 61302/00, § 81, 24 мая 2005 г.; and Oklešen and Pokopališko Pogrebne Storitve Leopold Oklešen S.P. v. Slovenia, no. 35264/04, § 54, 30 ноября 2010 г.*). Учитывая указанную практику, Суд установил (§ 32),

«<...> что компании-заявители, которые в течение многих лет занимались распространением школьных учебников, установили тесные отношения со школами, расположенными в их окрестностях. Объем клиентов в этом бизнесе ограничен, так как всегда будет соответствовать количеству школ и учащихся в том или ином регионе. Таким образом, Суд убежден в том, что *клиентская база, хотя и несколько изменчивая по своему характеру, является существенной основой для налаженного бизнеса компаний-заявителей, который по своей природе не может быть легко использован в других видах торговой деятельности*. Действительно, потерянная клиентская база компаний-заявителей во многих отношениях носит характер частного права и, таким образом, представляет собой актив, являющийся «владением» по смыслу статьи 1 Протокола № 1 (см. *Van Marle and Others, Döring (dec.), and Wendenburg and Others (dec.)*, <...>».

Во-вторых, правительство подчеркнуло, что главной причиной введения оспариваемого законодательства было укрепление рыночных позиций закупщика по отношению к издателям с целью обеспечения более эффективного расходования государственных средств (§ 36). Суд, однако, не был убежден этим аргументом. Он отметил, среди прочего, что цены на учебники были и остаются регулируемы государством (§ 46), что не влечет за собой никакой выгоды для родителей и учеников в финансовом отношении. Интересно, что Суд был готов предположить, что мера реформы преследовала законную цель.

В-третьих, и это важно, Суд постановил по существу, что оспариваемое вмешательство, рассматриваемое как *контроль за использованием*, является несоразмерным в данных обстоятельствах и не обеспечивает справедливого баланса между интересами, о которых идет речь. Исходя из собственного анализа рынка школьных принадлежностей, он отметил, что оспариваемая заявителями мера не может быть оправдана с точки зрения необходимости либо защиты лиц, которые в конечном счете платят за учебники и пользуются ими, а именно родителей и учеников, либо обеспечения справедливой конкуренции на рассматриваемом рынке (пункты 52–53).

По мнению Суда, эта мера ввела систему закупок школьных учебников, в соответствии с которой *вся клиентская база заявителей была передана Государственному предприятию*, и начиная с 2013/2014 учебного года они оказались практически исключены из переговоров о заключении договоров о распространении школьных учебников (§ 54).

Суд также принял во внимание ряд других соображений (§§ 55–57 и 59), в том числе:

у заявителей был только восемнадцатимесячный период для адаптации к новым обстоятельствам;

не было принято никаких мер для их защиты от произвола или предоставления им возмещения в виде компенсации;

новая государственная монополия в секторе школьных принадлежностей сделала невозможным для заявителей продолжение или восстановление своего бизнеса за пределами рассматриваемой сферы;

отсутствие реальных льгот для родителей или учеников.

Это постановление важно тем, что первоначально Судом было отмечено, что государство-ответчик пользовалось широкой свободой усмотрения при определении характера, области действия и способа осуществления мер по реформе в указанной сфере, однако впоследствии Суд признал нарушение Конвенции. В этой связи он подчеркнул (§ 58), что *такие меры:*

*«<...> не должны быть несоразмерными с точки зрения используемых средств и преследуемой цели; и не должны подвергать заинтересованных субъектов предпринимательской деятельности индивидуальному и чрезмерному бремени. В данном случае радикальные изменения в бизнесе компаний-заявителей не были смягчены никакими позитивными мерами со стороны государства. Более того, вмешательство касалось предпринимательской деятельности, которая не подпадала под действие предшествующих законов, деловая активность не находилась ни в коей мере под угрозой, и заявители не должны были предполагать, что бизнес будет де-факто монополизирован государством (см. *Oklešen and Pokopališko Pogrebne Storitve Leopold Oklešen S.P; Pinnacle Meat Processors Company and 8 Others; Ian Edgar (Liverpool) Ltd, and Tipp 24 AG, <...>*».*

***Lekić против Словении (№ 36480/07). Постановление от 11 декабря 2018 года. Снятие корпоративной вуали государством для обеспечения стабильности рынка и финансовой дисциплины*¹⁶.**

Закон 1999 года «О финансовых операциях компаний» позволяет судам отстранять бездействующие компании и *привлекать «активных участников» к ответственности за долги компаний*. Цель состояла в том, чтобы обеспечить рынку стабильность и финансовую дисциплину: большое количество бездействующих компаний имеют долги и не имеют активов (в результате перехода от социалистической к рыночной экономике) и стандартные процедуры закрытия имели бы результатом перегруженность судов. Понятие «активный участник» определено Конституционным Судом в 2002 году как лицо, способное влиять на деятельность компании. Компания, миноритарным акционером которой являлся заявитель (и бывшим управляющим директором), была ликвидирована, и по результатам исполнительного производства (2002–2007 годов) заявитель был привлечен к ответственности за задолженность компании.

Палата пришла к выводу об отсутствии нарушения статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и Большая Палата подтвердила этот вывод.

Это первый случай, когда Суд определил принципы, по которым он будет оценивать *необходимость принятия государственных мер, снимающих корпоративную вуаль*¹⁷, в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

1. Анализ законности и, в частности, предсказуемости вмешательства дает представление об уровне внимания, которое государство может ожидать от миноритарного акционера к деятельности компании. Суд напомнил о высокой степени осторожности, ожидаемой от специалиста, включая особую осторожность при оценке рисков деятельности (*Cantoni v. France and Karácsony and Others v. Hungary [GC]*), что применимо и к лицам, занимающимся коммерческой деятельностью (*Špaček, s.r.o., v. the Czech Republic and Forminster Enterprises Limited v. the Czech Republic*). Будучи миноритарием и бывшим управляющим директором, заявитель был хорошо осведомлен о состоянии компании и судебном разбирательстве с кредитором, и он должен был знать о положениях Закона «О финансовых операциях

---

¹⁶ Текст приведенного постановления размещен на сайте Верховного Суда Российской Федерации в разделе «Ведомственный контур» (папка «Международное право»), доступном для нижестоящих судов, а также опубликован в журнале «Прецеденты Европейского Суда по правам человека» № 2 (26), 2018.

¹⁷ Под корпоративной вуалью понимается предпринимательская деятельность, осуществляемая юридическим лицом через подставных аффилированных лиц.

компаний» (*J.A. Pye (Oxford) Ltd and J.A. Pye (Oxford) Land Ltd v. the United Kingdom [GC]*).

Интересно, что определение Конституционного Суда «активный участник» (участник, способный оказывать влияние на компанию и владеющим не менее чем 10% акций) *не было сочтено произвольным*, учитывая законные права, которыми пользуются лица, обладающие таким пакетом акций, и учитывая аналогичную практику соответствующих международных организаций (например, базовое определение прямых иностранных инвестиций, данное ОЭСР (четвертое издание 2008 года)). Наконец, хотя решения по делу о прекращении деятельности компании были выданы компании, а не заявителю, Суд фактически подтвердил, что *активный участник-заявитель должен был осознавать риски и принимать меры для ознакомления с корреспонденцией компании, добавив, что «до тех пор, пока участники поддерживали существование компании, они должны были обеспечить некоторое базовое управление ею».*

2. Что касается того, был ли достигнут справедливый баланс между оспариваемой мерой и соответствующими конкурирующими интересами, то Большая Палата согласилась с тем, что оспариваемая мера отвечает общественным интересам и, в частности, что *государству может быть крайне необходимо принимать меры во избежание нанесения непоправимого ущерба экономике, а также для укрепления правовой безопасности и доверия на рынке.*

Большая Палата определила конкретные принципы, касающиеся обеспечения справедливого баланса в этом контексте. В деле *Agrotexim and Others v. Greece* Суд постановил, что *снятие корпоративной вуали и игнорирование правосубъектности компании будет оправдано только в исключительных обстоятельствах.* Хотя постановление «*Agrotexim*» не может быть экстраполировано на настоящее дело, Большая Палата, тем не менее, сочла, что *при оценке справедливого баланса она «примет во внимание» принцип, согласно которому снятие корпоративной вуали и привлечение акционера к ответственности за долги компании должна быть сделана необходимой «в исключительных обстоятельствах и уравновешена конкретными гарантиями»,* и пояснила, что *«исключительность» касается качественного характера вопросов, а не количественного.*

Представляется, что «исключительные обстоятельства» касались общей рыночной ситуации, с которой столкнулось государство при принятии законодательства в 1999 году. Суд отметил, в частности, серьезные постсоциалистические проблемы в Словении, касающиеся 6500 бездействующих компаний, не удовлетворявших основным требованиям, предъявляемым к компаниям в условиях свободного рынка. Кроме того, Суд признал, что ситуация требовала неотложного принятия мер, в том числе проблема невыплаченных кредитов.

Большая Палата продолжила рассмотрение конкретных обстоятельств дела заявителя, включая:

размер его пакета акций (11,11%);

его участие в компании (бывший управляющий директор, продолжающий работать в компании);

его права и обязанности в качестве миноритарного акционера;

а также скромный характер долга, который он должен погасить.

Он также рассмотрел конкретную ситуацию компании, которая не была надлежащим образом капитализирована, даже когда она была преобразована в общество с ограниченной ответственностью и, таким образом, нарушала законодательство, регулирующее деятельность компаний; компания не подавала заявления о ликвидации в течение многих лет, а затем не уплатила пошлины; и, поскольку Закон «О финансовых операциях компаний» стал применяться только через год после его вступления в законную силу, у компании и ее акционеров был период для возбуждения производства о ее ликвидации, чтобы избежать применения нового законодательства и тем самым избежать ответственности акционеров за долги компании.

Судом была также учтена позиция кредитора, который находился в состоянии длительной неопределенности в отношении уплаты долга. Интересно, что Суд отклонил требования заявителя, что Закон «О финансовых операциях компаний» противоречил фундаментальным принципам корпоративного права Европейского Союза и, в частности, решению Суда Европейского Союза, в деле *Idryma Tyrou AE v. Ypourgos Tyrou kai Meson Mazikis Enimerosis (C-81/09)*, где нарушение заключалось в том, что на акционеров была наложена ответственность за штрафы в отношении вопроса, *на который эти акционеры не имели никакого влияния.*

Следовательно, все перечисленные соображения (в частности, участие заявителя в управлении компанией, сумма выплаченного им долга и национальный контекст) привели Суд к выводу о том, что *оспариваемая мера не повлекла за собой наложение чрезмерного бремени на заявителя, и к выводу об отсутствии нарушения статьи 1 Протокола № 1 Конвенции.*

Таким образом, представляется, что «исключительные обстоятельства» и «уравновешивающие гарантии» являются элементами, которые следует принимать во внимание, однако совместимость со статьей 1 Протокола № 1 Конвенции мер по снятию корпоративной вуали «извне» будет также зависеть от конкретных фактов каждого случая и, в частности, от положения соответствующих субъектов (акционера, компании и кредитора), о которых идет речь.

См. также вышеприведенные:

Kurşun против Турции (№ 22677/10). Постановление от 30 октября 2018 года. **Уничтожение имущества заявителя в результате взрыва на нефтеперерабатывающем заводе – сфера позитивных и процессуальных обязательств государства (статьи 6, 13 Конвенции и статья 1 Протокола № 1 к Конвенции);**

J.D. и А. против Великобритании (№№. 32949/17 and 34614/17). Постановление от 24 октября 2019 года. **Оценка обоснования той или иной меры социально-экономической политики («очень веские причины» или причины «явно не имеющие разумного основания»)** (статья 14 Конвенции в сочетании со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции);

Molla Sali против Греции (№ 20452/14). Постановление от 19 декабря 2018 года. **Применение законов шариата в сфере наследования имущества и дискриминация ввиду принадлежности к религиозному меньшинству** (статья 14 Конвенции в сочетании со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции).

Статья 1 Протокола № 7 к Конвенции (минимальные процессуальные гарантии при выдворении иностранца, на законных основаниях проживающего на территории какого-либо государства)

***Ljatići против Бывшей Югославской Республики Македония* (no. 19017/16).**

Постановление от 17 мая 2018 года. Постановление о высылке, вынесенное в отношении заявителя вопреки минимальным процессуальным гарантиям (подпункты «а» и «b» пункта 1 статьи 7 Протокола № 7 к Конвенции)¹⁸.

Заявительница получила убежище в государстве-ответчике и поэтому законно находилась на его территории по смыслу статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции. *Ей было приказано покинуть страну по соображениям национальной безопасности*, которые ей так и не объяснили. Заявительница безуспешно оспаривала постановление о высылке в судебном порядке. *Национальные суды никогда не информировали ее об основаниях, по которым она признана представляющей угрозу для безопасности.* Постановление о высылке не было исполнено, и заявительница осталась на территории государства-ответчика. Заявительнице было дано разрешение на выезд из страны по личным причинам и вернуться, но приказ о высылке остается подлежащим исполнению.

Заявительница жаловалась на то, что ей было приказано покинуть территорию государства-ответчика без предоставления необходимых минимальных процессуальных гарантий. Суд проанализировал жалобу с точки зрения статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции и установил, что это положение было нарушено.

---

¹⁸ Текст приведенного постановления размещен на сайте Верховного Суда Российской Федерации в разделе «Ведомственный контур» (папка «Международное право»), доступном для нижестоящих судов.

Постановление представляет особый интерес, поскольку:

(i) Суд установил, что статья 1 Протокола № 7 к Конвенции применима и может быть использована заявителем, *несмотря на то, что решение о ее выезде не было приведено в исполнение до настоящего времени, и, несмотря на утверждение правительства об отсутствии риска того, что заявительница будет выслана в будущем. Для Суда было решающим, что постановление так и не было отменено и что на его исполнение не распространялись какие-либо дополнительные формальные требования, а это означает, что заявительнице всегда угрожала опасность быть высланной.* Таким образом, Суд сделал вывод о том, что оспариваемое постановление должно рассматриваться во всех практических целях как мера высылки, предпринятая в отношении заявителя и подпадающая под действие статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции.

(ii) Суд подчеркнул важность соблюдения процессуальных гарантий, изложенных в подпунктах «а» и «б» пункта 1 статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции, а именно *права иностранца представлять аргументы против его высылки и требовать пересмотра его дела.* При этом Суд ссылаясь на свою судебную практику (например, *C.G. and Others v. Bulgaria, no. 1365/07, 24 апреля 2008 г.*).

Суд отметил, в частности (§ 35):

«<...> даже в тех случаях, когда речь идет о национальной безопасности, основы законности и верховенства права в демократическом обществе требуют, чтобы меры по депортации, затрагивающие основные права человека, подвергались в той или иной форме состязательному разбирательству в независимом органе или суде, уполномоченном эффективно исследовать их причины и рассматривать соответствующие доказательства, при необходимости руководствуясь соответствующими процессуальными ограничениями на использование секретной информации. Лицо должно иметь возможность оспорить утверждение исполнительной власти о том, что на карту поставлена национальная безопасность. Хотя оценка исполнительной властью того, что представляет угрозу национальной безопасности, естественно, будет иметь значительный вес, независимый орган или суд должны иметь возможность реагировать в случаях, когда это утверждение не основано на фактах или когда произведенное толкование понятия «национальной безопасности» незаконно или противоречит здравому смыслу и является произвольным <...>».

На основании фактов дела заявительницы Суд установил, что власти не предоставили ей ни малейшего указания на основания, на базе которых они произвели свою оценку риска, и что национальные суды не подвергли обоснованному разбирательству утверждение исполнительной власти о том, что заявитель представляет угрозу национальной безопасности,

ограничившись чисто формальным рассмотрением оспариваемого постановления (§§ 39 и 40).

(iii) Суд пришел к выводу о том, что имело место нарушение подпунктов «а» и «b» пункта 1 статьи 1 Протокола № 7 к Конвенции, *несмотря на то, что заявительница все еще находится на территории государства-ответчика*. Этот факт, как представляется, подчеркивает важность самого нарушения процессуальных гарантий, содержащихся в пункте 1, и не соответствует подходу Суда в случаях высылки по статье 3. В таких случаях, когда он убежден, что существует обоснованная угроза жестокого обращения, подход Суда заключается в том, чтобы найти условное отступление от статьи 3, основанного на том, что в случае осуществления постановления, предписывающего высылку какого-либо лица будет иметь место нарушение этого положения (см., например, *J.K. v. Sweden [GC], no. 59166/12, 23 августа 2016 г.*).
